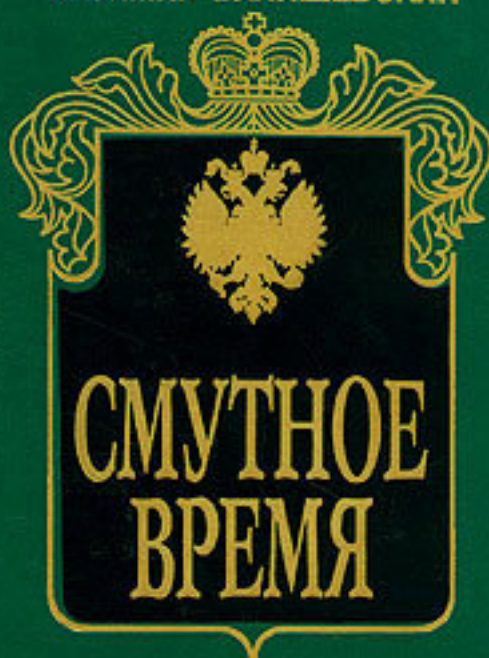

КАЗИМИР ВАЛИШЕВСКИЙ

СМУТНОЕ
ВРЕМЯ

Происхождение современной России

Казимир Валишевский

Смутное время

«Public Domain»

Валишевский К. Ф.

Смутное время / К. Ф. Валишевский — «Public Domain»,
— (Происхождение современной России)

Историческое сочинение «Смутное время» польско-французского историка Казимира Валишевского (1849-1935) на сегодняшний день является одним из наиболее увлекательных изложений истории России конца XVI-XVII века, времени великой разрухи. Текст произведения представлен в новой редакции и в современной орфографии.

Содержание

	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	36
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	55
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Казимир Валишевский

Смутное время

Предлагаемую русским читателям книгу сам ее автор считает второй частью задуманного им обширного труда – «Происхождение современной России». Начинаясь характеристикой царя Феодора Иоанновича, она, действительно, как бы служит продолжением «Иоанна Грозного» того же автора, но вместе с тем дает вполне законченную, сжатую и красивую картину самой бурной эпохи в истории России. Вихрь событий, в начале XVII-го века охвативший громадное пространство восточной Европы, пестрый калейдоскоп оригинальнейших, часто загадочных личностей, вращавшихся в его волнах, давно приковывает к себе внимание историков и писателей. Смутное время имеет своих специалистов-исследователей, как проф. С. Ф. Платонов, и меценатов, организаторов изысканий, как гр. Шереметев. Отдельные стороны грозного кризиса, расшатавшего государственную жизнь России, разработаны в трудах В. О. Ключевского («Боярская Дума»), М. А. Дьяконова («Власть московских государей»), П. Милюкова и мн. других. Смутное время породило богатую литературу, и книга К. Валишевского займет в ней свое собственное и видное место; она очень любопытна и поучительна для русского читателя, как живой, яркий рассказ иностранца-поляка, горячо, кровно заинтересованного событиями бурной поры, резко отразившимися на судьбе его отечества. Автор проводит интересные параллели между политической жизнью Руси и Польши; в своих заключениях он касается той и другой страны, отмечая, как различно повлияла смута на их последующую историю. Польские источники и польская историческая литература занимают большое место среди материалов, на которых построена книга К. Валишевского, и уже это одно придает своеобразный характер его изложение и делает его труд важным, даже необходимым пособием для занимающихся русской историей.

Как все работы К. Валишевского, его история «Смутного времени» написана с сильным литературным темпераментом, живо и популярно. Его характеристики выпуклы и ярки. Отдельными остроумными замечаниями, попутными соображениями он умеет оригинально осветить туманный эпизод, твердым штрихом запечатлеть в памяти читателя метко схваченную особенность исторического лица. Страницы, посвященные драматической судьбе Лжедмитрия и Марины Мнишек, читаются с захватывающим интересом, как современный политический роман.

Е. Н. Щепкина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Угасающая династия

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наследство Грозного

I. Блаженный на троне

Богатырю следовало бы принять тяжкое наследие Грозного, а наследником оказался звонарь. Говорят, сам Иван IV наделил этим прозвищем младшего из своих сыновей, Феодора, а судьба в отместку предопределила его наследовать престол. Старшего – Ивана, как известно, отец убил собственноручно в припадке бешеного гнева.

Наследие Грозного! Внутри государства затеяны огромные преобразования, – почти государственный переворот, приостановленный в самом зачатке и возбуждавший противодействие, которое было заглушено одним из самых ужасных проявлений деспотизма, какие известны в истории; заглушено, но не уничтожено.

Все шатко на глухо хлопочущем вулкане! Извне – Польша и Швеция готовы были продолжать свои победы и мстить за бывшие поражения. Да, нужен был богатырь. А между тем 18 марта 1584 г. вступил на престол 27-летний Феодор... Вот как насмешливые иностранцы, – свои не посмели бы, – Флетчер, Пирсон и Маржерет описывают в своих записках его обычное времяпрепровождение.

Молодой государь обыкновенно вставал в четыре часа утра. Покончив с одеваньем, он посылал за духовником; духовник являлся с большим крестом и, коснувшись им лба и щек государя, подносил крест к устам для целования. За ним следовал дьякон с иконой святого, память которого в тот день праздновалась по святцам. Ее ставили на самое почетное место среди бесчисленных икон, которыми была усыпана сверху донизу комната царя. Иконы были грубого письма, но в богатых ризах с жемчугом и драгоценными камнями; перед ними горели восковые свечи и неугасимые лампы. Феодор сейчас же становился на молитву перед принесенной иконой. Четверть часа царь усердно и истово, клал земные поклоны. На это время духовник уходил и возвращался с чашей святой воды и кропилом. Каждый день эта вода доставлялась по очереди многочисленными московскими монастырями, в знак благоговейного почтения к особе государя.

Совершив эту первую утреннюю молитву, царь посылал справиться о здоровье царицы, как почивала? Супругой Феодора была Ирина Годунова, сестра знаменитого Бориса, которому судьба готовила высокую, полную трагизма долю. Феодор только накануне многочисленных в православной церкви постных дней разделял ложе супруги и приглашал ее к своему столу. Их покои разделяла зала; получив ответ посланного, царь шел навстречу государыне и проводил с нею некоторое время. Затем они отправлялись вдвоем в свою домовую церковь к заутрени, которая длилась около часа. По возвращении царь отправлялся один в приемную палату и, сидя в большом кресле, принимал тех придворных бояр, кого считал достойным этой милости. Около девяти часов он отпускал своих приближенных. Пора звонить к обеду. Царь сам исполнял эту обязанность, а так как обедню служили в одном из кремлевских храмов со всем сложным чином по обрядам греческой церкви, то эта ежедневная служба занимала царя еще часа на два. На самом-то деле, по крайней мере у окружающих царя, время тратилось не на

одну молитву. В эти часы церковь служила палатой совета, под звуки бесконечных песнопений думные бояре заводили шумные мирские споры, замолкая по временам, когда справлялись о мнении своего государя. Но у государя своего мнения никогда не было; он выслушивал, блаженно улыбаясь и, не говоря ни слова, продолжал перебирать четки. По окончании этого второго богослужения, царь возвращался во дворец обедать. Обед подавался к одиннадцати часам весьма торжественно. После обеда государь почивал три часа, а затем опять шел в церковь к вечерне. Остальные часы до ужина посвящались вполне заслуженному отдыху. Ирина проводила это время вместе с супругом, и оба они развлекались разными забавами, обыкновенно балагурством шутов и кувырканием карликов. Иногда, впрочем, государь устаивал своим вниманием работы своих золотых и серебряных дел мастеров и иконописцев. После ужина он снова молился со своим духовником и получал его благословение на сон грядущий.

Только по воскресеньям да по большим праздникам изменялось это распределение дня. В такие дни государь посещал монастыри в окрестностях столицы. Иногда, чтобы не нарушать чересчур круто обычаев страны и порядков, заведенных его предшественниками, он присутствовал на боях с медведями или на кулачном бою, но ему они не доставляли никакого удовольствия.

Вот каков был новый царь всея Руси. Личность, словом сказать, довольно близкая по типу и к «идиоту», как его изобразил в своем знаменитом романе Достоевский, и к юродивому, каких еще и теперь можно встретить в русских деревнях, и к блаженным, которых набожные люди средних веков причисляли к лику святых. Разные писатели того времени, как светские, так и духовные, действительно, изображают Феодора вполне отрешившимся от мирских дел и помышляющим только о вечной жизни. Правда, один из этих писателей, патриарх Иов, под влиянием чувства, довольно близкого тому, которым вдохновлялся великий русский романист, готов был видеть в этом нищем духом еще и разумного правителя и образец государя. Но он один был такого мнения. Лев Сапега, выдающийся государственный деятель Польско-Литовского государства, вернувшись из Москвы, куда он ездил в качестве посла, говорил: «Напрасно говорят, что у этого государя мало рассудка: я убедился, что он вовсе лишен его».

Флетчер оставил нам такое описание наружности государя: росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, на постоянно улыбающемся лице, поступь нетвердая и неясная речь. С этим описанием довольно сходен портрет царя с сиянием вокруг головы, сохранившийся и до сих пор в Архангельском соборе в Москве.

Да и на самом деле, при вступлении Феодора на престол никому и в голову не приходило, будто он способен управлять страной; да и сам он кротко покорился вспомогательному правительству, которое было учреждено немедленно. В таком зачаточном и почти еще аморфном состоянии, в каком пребывала тогда Московия, потребности создают органы. У смертного одра Грозного естественно из лиц наиболее приближенных к покойному царю образовалась своего рода пентархия. Первое место по почету, но без наибольшей власти, занял ближний боярин, князь Иван Феодорович Мстиславский, потомок древнего рода князей литовских, породнившийся с царствующим домом. Способности у него были посредственные, и он сознавал это. В пользу одного из его товарищей, Ивана Петровича Шуйского, говорило то, что он был Рюрикович, из доблестной линии Александра Невского. Недавняя защита Пскова против Батория придала ему лично известность. Но он был воитель, и только. Другой товарищ, Богдан Бельский, был смутьян. Да и по общему мнению, Грозный больше всего возлагал свое доверие на своего шурина, родного дядю Феодора, Никиту Романовича Захарьина-Юрьева (Романова), а услужливая легенда, о которой я упоминал в другом месте, наделяла Никиту Романовича всевозможными добродетелями.¹

¹ Waliszewski, K. Ivan le Terrible, стр. 490. (К. Валишевский. Иван Грозный. Страницы – по французскому изданию.)

Последнее место в этом ареопаге выпало на долю шурина Феодора, Бориса Годунова; его сравнительно невидное происхождение, по-видимому, не позволяло ему заявлять притязания на высшее положение. А между тем оказалось, что среди всех этих вельмож это был единственный человек, способный исполнить важную роль; что его властолюбие ожидало только благоприятных условий, чтобы развернуться вширь, и события скоро должны были выдвинуть его на первый план.

Впрочем, о составе этого своеобразного опекунского совета, принимавшего на себя попечение о новом монархе и о его государстве, неизвестно ничего вполне достоверного. Источники противоречат друг другу.² Из них с очевидностью вытекает только одно: что это олигархическое правление, каковы бы ни были его участники, заключало в себе элементы непримиримого раздора и было бессильно по существу своему, так как это были те же самые элементы разложения, какими болела вся аристократия страны. В глазах Мстиславского и Шуйского, представители выдвинувшихся вперед московских бояр новой или старой выслуги, как Годунов и Романов, одинаково были выскочками; но и сами Мстиславский и Шуйский, пришедшие в упадок представители старшей линии или других отраслей владетельных князей, в своей вековой борьбе с младшей, восторжествовавшей над всем домом Рюрика, потеряли даже обаяние, которое в былое время было связано с их первенством в роде; сами-то они еще вспоминали про него, но кругом них позабывали об этом. К тому же опричнина³ вместе с системой местничества успели стереть все привилегии и преимущества, основанные на исторических правах. Отныне лишь разрядные книги да милость государя определяли место и чин каждого из подданных.

Этот порядок был навязан тяжелой рукой Ивана IV, которая сокрушала всякое сопротивление, но только она одна и могла поддерживать его. Не стало Грозного царя – и тотчас же неизбежно наступило «смутное время».

В первую же ночь по смерти Грозного в Москве вспыхнул мятеж. Его характер и размеры еще недостаточно выяснены. Судя по его последствиям, есть основание думать, что поводом к нему служил тот младенец, которому предопределено было в близком будущем исполнять роль главного героя великой национальной драмы, которую я предполагаю восстановить в памяти.

Феодор был сын первой супруги Ивана, Анастасии Романовны, но кроме него, от шестой или седьмой жены, – числа их никак нельзя было точно установить, – Грозный оставил еще сына, малолетнего Дмитрия. Дмитрий жил со своею матерью, Марией Нагой, в одной из обширных пристроек дворца. И вот один из опекунов Феодора, Богдан Бельский, задумал выставить его соперником нового царя. Это была безумная затея. Не говоря уже о правах Феодора как старшего брата, Дмитрий, по-видимому, устранялся от престола даже вследствие своего рождения в браке, запятнанном незаконностью: уставы православной церкви признают только три брака, отвергая законность последующих. Но, пожалуй, Бельский действительно был сумасбродом, насколько мы о нем знаем; а с другой стороны, наследование престола в этой стране не подчинялось еще строго установленным или обычно соблюдаемым правилам. На деле оно зависело от трех противоречащих друг другу принципов; здесь смутно давали себя знать при своем столкновении неподходящие друг к другу понятия о наследственном праве на престол, о семейной власти и о политической свободе: первородство, выбор государя и избрание. Монарх указывал себе преемника, обыкновенно своего старшего сына, а народное собрание – земский собор – утверждало этот выбор.⁴

² Арцыбышев, Н. С. Повествование о России. М. 1843, т. III, стр. 1–2, *Historica Russiae Monum.* т. II, № VIII; Летопись о многих мятежах (Никоновская летопись), т. VIII, стр. 5–7.

³ Ivan le Terrible, стр. 66, 321 и сл.

⁴ Сергеевич. Лекции и исследования по истории древн. рус. права, стр. 128.

Итак, Бельский замыслил дворцовый переворот, первый из тех переворотов, которые затем в течение двух следующих столетий так часто изменяли порядок управления страной. Товарищи его по совету, однако, оказали ему сопротивление, обратившись с воззванием к простонародью. Двое рязанских дворян, братья Ляпуновы, будущие герои революционного движения, особенно отличились своим рвением в защите прав законного государя, и Феодор одержал верх.

Так говорит большинство иностранных летописцев – Горсей, Флетчер и Пирсон. Но по другим свидетельствам можно думать, что это была только попытка восстановить опричнину против опять начавших пробуждаться притязаний аристократического элемента, либо просто ссора за первенство. Но самое возмездие, к которому прибегли победители, по-видимому, противоречит такому толкованию. Так, Бельского отправили воеводой в Нижний Новгород, – почетная ссылка такого рода часто применялась тогда, – а Дмитрий, его мать и многочисленная родня их покинули Москву; их выслали в Углич, небольшой город Ярославской области, назначенный молодому князю в удел.

Если мы примем во внимание время и место действия, такое обращение не покажется нам слишком суровым; но помимо того, что волки не имеют обыкновения пожирать друг друга, защитники Феодора должны были еще сообразоваться с благочестивыми настроениями государя. Сам царь оставался в прекрасных отношениях с высланными: Нагие посылали ему пироги, а он отдаивал их мехами.

В то время никто, конечно, и не предвидел, сколько бедствий произойдет от такого вступления в улажение родственных счетов.

Чтобы бесспорно укрепить права нового царя, был созван Земский Собор.⁵ По свидетельству летописцев, видные представители всех областей «слезно» умоляли Феодора быть царем и венчаться на царство. Слезы составляли неотъемлемую принадлежность исконного церемониала, и, хотя серьезные историки допускают, что этот парламент, как называет собор Горсей, в самом деле занимался избранием Феодора, все же позволительно думать, что все это действие было просто соблюдением обряда. Более серьезно, по-видимому, высокое собрание посвятило себя решению некоторых вопросов административного порядка, как-то: подтверждение предпринятых ранее мероприятий для отобрания в казну церковных имуществ и отмены тарханных грамот, или освобождений от налогов, чересчур щедро жалованных предыдущими правителями разного рода владельцам, по большей части духовным. Впрочем, благочестие Феодора должно было служить немалой помехой строгому исполнению обнародованных в этом духе законов.⁶

Коронование Феодора было великолепно, изумляя свидетелей-иностранцев своим блеском и внушая им, бесспорно, преувеличенное представление о богатствах, которые оно обнаруживало. В таких случаях, исполняя обычай страны, выставляли все, какие только имелись, драгоценности, но эта показная пышность только прикрывала мрачную нищету.

После отъезда Бельского, в Совете осталось четыре члена. Первое время преобладающую власть сохранял за собой Никита Романович, в этом ему помогали преданность и способность двух его подчиненных, дьяков Щелкаловых, Василия и Андрея, имена которых мы встретим опять в превратностях предстоящей драмы. Однако уже в августе того же года здоровье Никиты Романовича оказалось тяжело расстроенным, а год спустя он умер. Тогда возшла звезда Бориса Годунова.

По единогласному свидетельству современников, царица Ирина была женщина с ясным умом, разумная и решительная, что при тогдашнем ее положении возвышало ее над обычным уровнем влияния московских цариц. Она нежно любила брата и всегда и во всем поддержи-

⁵ Ключевский. Состав Земских Соборов, «Русская Мысль», 1890 г.

⁶ Латкин. Земские Соборы, стр. 87 и след.

вала его. Хотя она редко разделяла ложе своего хворого и целомудренного супруга, зато часто она являлась соучастницей его правления или даже заменяла его в исполнении верховной власти,⁷ а на самом деле это было правление Бориса, которое оттесняло, таким образом, правление Совета. С каждым днем захват власти проявлялся все сильнее, возбуждал явное противодействие себе, которое навлекло опалу на несколько знатных семейств – Мстиславских, Воротынских, Головиных и Колычевых. Обстоятельства, вызвавшие эту опалу, остаются темными. Один летописец упоминает о заговоре на жизнь Бориса: предполагали убить его на пиру у Ивана Федоровича Мстиславского. Так или иначе, но в 1585 году старый вождь московского боярства исчез со сцены: он был заточен в монастырь и, принужденный постричься в иноки под именем Иосифа, вскоре там и скончался. Один из Головиных – Михаил Иванович – отправился в Польшу увеличивать кучку политических «отъездчиков», последователей знаменитого Курбского.

К той же оппозиционной партии принадлежали, понятно, и Шуйские. В ту пору их пощадили; их черед наступил через два года. Летопись рассказывает о тех происках, к которым они прибегали, чтобы склонить Феодора к разводу с Ириной, потому что она бесплодна. Усилиям Шуйских помогало и ставшее силой благодаря политике Грозного сословие московских купцов, которые устраивали буйные зрелища перед Грановитой палатой. Но с помощью братьев Щелкаловых и митрополита Дионисия Борис укротил бурю. И Шуйские, проворно менявшие направление, стали сторониться от своих единомышленников, пытаясь лицемерно примириться с царским любимцем.

«Вы примирились нашими головами!» – крикнул им один возмущенный купец. Этот несчастный исчез в следующую же ночь, но и Шуйские недолго пользовались плодами своей подлой трусости. Донос одного подкупленного слуги послужил предлогом к новым и более строгим гонениям. Борис, которому теперь предоставлено было действовать по его усмотрению, будучи более уверен в послушании своего венценосного питомца, не задумался нанести решительный удар. Знаменитый воин Иван Петрович Шуйский был сослан на Белоозеро, а двоюродный брат его, Андрей Иванович, в Каргополь, и оба они были задушены. Восемь купцов сложили свои головы на плахе, а сотни их, действительных и подозреваемых сообщников, или были заключены в тюрьмах, или разосланы по разным областям.

Вполне ли точны эти подробности, – сомнительно, ведь Ирина не была бесплодна. У нее было несколько выкидышей, а в 1592 году она разрешилась от бремени дочерью, царевной Феодосией. Во всяком случае, суть этого события, т. е. казнь Шуйских Борисом Годуновым, не подлежит никакому сомнению, хотя московские послы, находившиеся в то время в Польше, и получили наказ решительно отрицать факты, гул от которых пошел за границу. Послы должны были уверять, будто Шуйские вовсе не были в опале, а напротив, даже пользуются расположением и щедротами государя. Что же касается Головина, бегства которого нельзя было оспаривать, то он будто бы провинился в воровстве.⁸

Такая дипломатическая ложь составляла часть исконного обычая, который соблюдался непрерывно и впоследствии. Но наверное митрополит Дионисий и архиепископ Варлаам – глава важной Крутицкой епархии – ходатайствовали в это время отнюдь не за вора и понесли за это кару. Оба священнослужителя были заточены в монастырь. Митрополичий престол занял вполне преданный Годунову ростовский архиепископ Иов, и царский любимец стал всемогущ.

⁷ Акты исторические, I, 219 и Добавление, I, 143; Акты археографической комиссии, I, 341.

⁸ Соловьев. История России, т. VII, стр. 270 (по изд. 1861 г.).

II. Борис Годунов

Род Годуновых происходил от татарского мурзы Чета. Этот мурза-перебежчик, покинув Золотую Орду, поступил на московскую службу в царствование Ивана Калиты (1328–1341). Здесь он вскоре крестился, основал знаменитый Ипатьевский монастырь и сделался родоначальником нескольких фамилий, которым суждено было оставить память по себе в истории усыновившей его страны. Чета считали своим предком и Сабуровы, породнившиеся через первую жену Ивана Грозного с царствующим домом. Близость к царю Бориса, несомненно, была такого же происхождения. Его женитьба на дочери знаменитого опричника Малюты Скуратова давала ему более прочное право рассчитывать на милость царя, а брак его сестры с Феодором обеспечил его положение. Борису было за тридцать, когда на престол вступил его зять. Нет ни одного подлинного портрета, который мог бы дать нам представление о его наружности: те, что воспроизводятся в гравюрах, только копии внушенного фантазией рисунка, исполненного в XVIII веке. Борис пользовался большой известностью красавца, несмотря на свой небольшой рост, плотное сложение и некоторую преждевременную хилость. Он обладал, по видимому, величавой осанкой, способностью повелевать и большим врожденным даром слова, которого совсем был лишен Феодор. Образования, однако, Борису не доставало еще в большей степени, чем Феодору. Должно быть, это был первый случай безграмотности царя на престоле. Но зато он обладал в наивысшей степени тем даром усвоения и той силою интуиции, которые остаются одними из характерных черт его соотечественников, и он так же изумительно умел скрывать свои недостатки, как и извлекать выгоды из своих достоинств. Грозный для своих врагов и способный питать непримиримую ненависть, он был великодушнейшим из друзей и умел при случае выставить напоказ свое человеколюбие. Горсей описывает, как Борис остановил казнь одного английского подданного, Джона Горнеби, обвиненного в шпионстве и подвергнутого пытке.

Но больше всего в течение всей его карьеры в нем обнаруживается великий честолюбец, всегда владеющий собой и никогда не теряющий из виду намеченной цели; он сумел быть твердым в этой стране пьяниц и не упускал ни единого повода, ни единого случая, ни единого средства, чтобы выдвинуться вперед. После опалы Шуйских, на самом деле облеченный властью регента некоторого рода, он терпеливо и искусно трудился над тем, как бы упрочить свое положение и придать этой должности правовую санкцию, потому что примеров ее не имелось в летописях страны. Первый из временщиков в хронологическом порядке, он сразу вознес преимущества этого сана на такую высоту, какой только они могли когда-либо достигнуть. С 1581 года Борис был боярином, начиная с 1584 он присваивает себе один за другим целый ряд титулов, которые уже тем, что они были исключительны и единственны, вели его, словно ступени лестницы, вверх от степени до степени до наивысшего сана. Он был «конюшим», «слугою», «ближним великим боярином», «наместником царств Казанского и Астраханского» до того дня, когда в 1594 году ему был присвоен официальной грамотой титул, действительно соответствующий его должности, и с тех пор он стал правителем, регентом.

Любопытная подробность: этой последней ступени он достиг лишь благодаря некоторому, так сказать, обходному движению, использовавши для этого старательно приобретенные связи в заграничных землях. В агенте Английской Торговой Компании, Горсее, Борис нашел в высшей степени искусного и преданного ему дипломатического посредника. Благодаря именно посредничеству Горсея, уже в 1586 году английская королева шлет Годунову письмо, в котором называет его «князем» и «любезнейшим другом». Три года спустя сам Горсей в своем отчете о путешествии, тогда же изданном и получившем широкое распространение, наделяет его титулом «лорда-протектора». В то же время посольства, отправляемые в европейские и азиатские государства, получали подобные этому негласные предписания, а последствием их

внушений были послания, в которых государи, заранее настроенные таким образом, расточали предполагаемому властелину Московского государства свидетельства своего уважения и наделяли его соответствующими титулами. Борис прикидывался смущенным: следует ли ему отвечать? Вопрос этот поднимался не раз в течение 1588–1589 годов и был решен, как и следовало ожидать, в утвердительном смысле.

Искусное сочетание мелочей этикета служило той же цели: на приемах иностранных послов Борис один только из всех присутствующих бояр стоял у трона; и дошло до того, что как-то раз его протянутая рука, как будто не нарочно, овладела «государевым яблоком», державой – эмблемой власти, которую вечно улыбающийся Феодор и не подумал у него оспаривать. За аудиенцией у царя следовал прием у царского любимца, где послы опять встречали тот же торжественный церемониал. Когда их приглашали на придворные пиры, они слышали там, как за здоровье Бориса пили одновременно с тостами за здоровье Феодора. В бумагах, которые они получали из посольского приказа, неизменно указывалось, что все постановления зависели и исходили от Годунова.

В 1594 году, как я уже указал, такое положение его было официально признано. Но и этого было мало: год спустя официальные документы присоединили к имени «правителя» Бориса и имя его сына. Прежде чем умер Феодор, прежде чем утвердилась уверенность, что он не оставит наследника (Ирина только что подала надежду на потомство), его наследие казалось уже предопределенным в пользу новой династии!

Борис полагался на свое счастье. Он верил в звезды. Будучи настолько же суеверным, насколько он был необразованным, Борис окружал себя звездочетами, гадателями и колдунами. Один из них, говорят, предсказал Борису, что он будет царствовать, но всего лишь семь лет. – «Хоть бы один день!» – ответил будто бы на это царский любимец. Анекдот этот, вероятно, придуманный нарочно, хорошо воспроизводит свойство того пламенного и вместе с тем не находящего себе покоя честолюбия, которое позволяло этому избраннику судьбы ясно сознавать всю необычайность своего быстрого возвышения; оглядываясь ежедневно на уже пройденный путь и измеряя предстоящий, он видел в нескольких часах царствования вполне достаточную награду за совершенные усилия. Как ни высоко поднялся уже Борис, он все же продолжал быть некоторым образом смиренным. Он подвигался к трону крадучись, неслышными шагами: в совет, который номинально еще существовал, он удержал за собой то место, которое занимал и вначале, т. е. последнее; он придумывал особые званые обеды в покоях царя, на которых собирался избранный кружок, но сам воздерживался от посещения этих собраний. А по правде сказать, он в то же время давал обеды у себя, и быть приглашенным на них считалось еще большею честью.

Борис быстро приобрел значительные богатства. Английский посол Флетчер приписывал ему доход в 93 700 рублей, сумма для того времени громадная: рубль соответствовал тогда почти фунту стерлингов. Горсей считал для Бориса вполне возможным набрать и содержать армию до 100 000 человек! Это были, вероятно, преувеличения, причастные той известности, которая создавалась вокруг имени Бориса; а в частности цифры, приводимые Флетчером, в настоящее время признаются неточными.⁹ Впрочем, Борис, хотя и получал такой хороший доход, совсем не копил денег, чересчур усердно стараясь изливать свои щедроты и своими благодеяниями стяжать себе народное расположение. Это был второй Сеян, только ему не приходилось бояться никакого Тиберия. Не менее расточительный и в государственных расходах, Борис много строил, увеличивая число каменных зданий и церквей среди деревянных построек, которые обыкновенно преобладали не только в главных городах, но и в самой столице, – «украшая Москву, словно красивую женщину», по свидетельству патриарха Иова.

⁹ Середонин. Сочинения Джильса Флетчера, стр. 180.

В общем, его регентство было счастливо и одинаково благоприятно интересам страны как внутри, так и во внешних сношениях. Вначале во внешней политике ему угрожала страшная опасность; но в войне, как и в дипломатии, счастье ему не изменило.

III. Война и дипломатия

Борис Годунов не знал ратного дела и, конечно, перед таким противником, как Баторий, его постигла бы жалкая участь. Победитель Грозного, между тем, решил возобновить наступательные действия; наперекор равнодушию и скупости своих подданных, он нашел теперь, к кому обратиться: римский престол занимал Сикст V, и этот великий папа словно был создан, чтобы действовать заодно с великим королем. О том, насколько они сговорились между собою, свидетельствует то, что в 1586 году в Риме спорили лишь, какими способами удобнее всего переслать в Краков по тайности субсидии, которых просили для завоевания Москвы.¹⁰

«Если бы жизнь и гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть в самом первом десятилетии нового века».

Слова, эти принадлежат Карамзину.¹¹

Но Батория не стало. Неумолимая болезнь остановила его военные приготовления, и 2 декабря 1586 года он скончался. Положение дел сейчас же изменилось: Феодор, казалось, мог теперь рассчитывать на наследие Ягеллонов и надеяться, что путем избрания на польский престол он приобретет Краков. Польская шляхта не прочь была поладить с государем, известным своей кротостью. Борис, однако, или не сумел, или не захотел воспользоваться таким благоприятным случаем. С одной стороны, здесь, в Польше, корона вручалась уже тому, кто больше давал; а посланники царя приехали на сейм с пустыми руками; а с другой стороны, они сами выказали себя чересчур требовательными. Вот что они предлагали: столицей соединенных государств должна быть Москва; в общем гербе корона Польши будет помещена под шапку Мономаха, и, last but not least, будущий царь-король не будет менять своей православной веры. Эти требования вызвали единодушный протест.

«Москвитяне хотят пришить Польшу к своей стране, как рукав к кафтану!» – воскликнул один из наиболее влиятельных избирателей – Христофор Зборовский. Известно, каковы были результаты: избранными оказались одновременно Сигизмунд Шведский и Максимилиан Австрийский, брат императора Рудольфа II.¹² Сигизмунд скоро одержал верх, и такая развязка приобретала для Москвы особенно угрожающий характер: сын Иоанна III, с таким ожесточением воевавшего мечом и пером с Иваном Грозным, и Екатерины Ягеллонки, новый король унаследовал от обоих и принес с собой на трон неуголимую злобу и ненасытное честолюбие. Москва, однако, отделалась только тревогой. В Польше Сигизмунду много было хлопот, чтобы окончательно вытеснить Максимилиана и покорить его приверженцев; помимо этого, будучи ярким католиком, он, подобно большинству современных ему западных государей, ревностнее всего занимался религиозными делами. Занимаясь в свободное время живописью, – картины его были довольно неудачны, – он на одной картине изобразил себя укрощающим ересь. Картина эта находится в Аугсбургской галерее, – недавно еще ее приписывали Рубенсу! Он действовал так хорошо, или, вернее, так плохо, что в Москве, поняв свою безопасность, скоро успокоились и решили даже, что настала благоприятная пора посчитаться со своим шведским соседом. После бурных препирательств Борис в 1590 году уговорил самого Феодора стать во главе громадного войска и двумя последовательными походами добился от Швеции уступки двух городов, Копорья и Иван-города, которые давно уже служили предметом спора между

¹⁰ Wierzbowski. Materiały do Dziej(w Pi(mennictwa polskiego, t. I, p. 264–308.

¹¹ История Государства Российского, т. X, гл. II, стр. 49.

¹² Caro. Das Interregnum Polens, стр. 59 и след., Hist. Russiae Monumenta, т. II, № XVI.

обеими сторонами. Потом, когда велись переговоры с Польшей о заключении перемирия на двенадцать лет, Борис стал замышлять достигнуть еще большего, после того как Иоанн III умер, унося с собой в могилу проекты отмищения, не перестававшие тревожить Москву.

Это событие стоило нескольких побед. Наследие покойного возбудило вражду между Сигизмундом и его дядею – Карлом, который был облечен властью регента; пользуясь этим, Москва в 1595 году вынудила у Швеции окончательные условия мира. В Тявзине, при посредничестве императора, был подписан весьма выгодный, хотя и вызывавший довольно жестокие нападки, мирный договор. Ко всему уже приобретенному ранее царь присоединил и Кексгольм. Одна статья договора, сохранявшая за шведами исключительное право торговли в Нарве, правда, казалась не очень благоприятной; во всяком случае, она наносила чувствительный удар, но лишь выгодам Ганзейского союза, а жертвовать его интересами был уже заведенный обычай.¹³

Император потребовал уплаты за свои услуги, и вот, начатые в 1588 году переговоры привели, с его стороны, к одной из самых странных дипломатических неразберих, о каких когда-либо свидетельствовали архивы. Со времени появления в 1588 году на берегах Дуная тайного агента Феодора, Луки Паули, – авантюриста темного происхождения, – и после трех последовательных миссий императорского посла Николая Варкоча, за которыми последовала в 1597 году миссия бургграфа Доны, – Венский двор совсем запутался в интриге, готовившей ему одни разочарования. После неудачи в Польше, он рассчитывал одно время великолепно вознаградить себя в Московии. Венский двор льстил себя надеждой достичь двойной цели: пополнить московскими рублями вечно пустую императорскую казну и обеспечить за принцем австрийского дома наследование Феодору!

Паули прибыл в 1588 году с предложением субсидии, чтобы поддержать в Польше кандидатуру Максимилиана, – спор о ней был уже покончен, – а затем от своего имени сообщил новость, будто существует тайное завещание Ивана IV, предназначавшее московский трон австрийскому принцу (мудрено понять: как так и почему, ведь Феодор был жив!). Варкочу, – понятно почему, – не удалось увидеть этого таинственного завещания, и он удовольствовался сообщением, будто подлинник погиб во время пожара. Не довелось ему увидеть и московского серебра, хотя в одном, вероятно подложном, рассказе о своем первом путешествии он будто бы говорит о трех миллионах флоринов, вывезенных им из Москвы и, для пущей предосторожности, скрытых в бочках с воском.¹⁴ Зато сначала от Бориса, а затем и от самого Феодора Варкоч получил обещания и поощрения, по его мнению, крайне заманчивые. Посредником для сношений с Феодором служил начальник Посольского приказа, весьма могущественный и очень влиятельный дьяк Андрей Щелкалов, вскоре впавший в немилость, надо думать, за свое дерзкое вмешательство в эту интригу.¹⁵ Борис заявлял, что царь не покинет императора, «хотя бы ему пришлось есть из деревянных чашек», а когда его заставили высказаться начистоту, договорился до того, будто его государь смог бы накопить пять миллионов для помощи Рудольфу против общих врагов. А что касается вопроса о завещании, то тут Годунов обнаружил больше сдержанности и даже несколько мистифицировал Варкоча, а тот, по-видимому, и не догадывался об этом: документ-де существовал, и если Максимилиану удастся водвориться в Варшаве, то «могут произойти большие дела», – ведь Феодору, очевидно, не суждено иметь наследника. А между тем, когда при Бычине (24 января 1588 года) эрцгерцог был разбит и даже взят в плен, Рудольф завел переговоры о его освобождении, как раз ценой полного отре-

¹³ См. об этом в рус. летоп.: Никоновская, VIII, 12–13; 16–17 и 29–30; Первая Псковская летопись (Полное собрание летописей, V—320); Kelch, *Lievl. Hist.* 447–449; Hiaern (*Mon. Liv. Ant.* I, 369–371); Соловьев. История России, VII, 329 и след.; Форстен. Балтийский вопрос. II, 52.

¹⁴ Adelung. Uebersicht der Reisenden, I, 401.

¹⁵ Щепкин. *Archiv f(r Slavische Philologie*, XXII, 401; Платонов, Журн. Мин. Нар. Просв., июнь 1898; ср. у Лихачева. Разрядные дьяки. Стр. 191 и след.

чения его от притязаний на корону Польши! Правда, во время второго пребывания в 1593 году Варкоч не посмел уже заговорить с Борисом об этом щекотливом предмете. Он наверстал свое в беседе со Щелкаловым, а этот в свою очередь самым странным способом тешился над его легковерием, говоря от имени Феодора; если, мол, Венский двор немедленно пришлет в Россию принца лет четырнадцати или пятнадцати, то этого юношу могут усыновить и воспитать как будущего наследника царского!

Как бы это ни казалось неправдоподобным, Венский двор попался на удочку; он снова отправил одураченного дипломата, хотя теперь вопрос о сомнительном наследстве уступает место другому, более неотложному. Турки совершили нашествие на Венгрию, а императорская казна была пуста. Поэтому, не пренебрегая предложением Щелкалова, посланник должен был прежде всего стараться привезти денег. И он их привез; по крайней мере думал, что привез. О сокровенных намерениях, которые будто бы были у Феодора, Варкоч не смог ничего разведать, так как глава Посольского приказа, дьяк Щелкалов, был уже не у дел; к тому же царь сам стал теперь отцом. Без сомнения, ему не лучше удалось бы изведать сокровенные тайны московской казны, если бы многократные посольства его не показались сами по себе разорительными для финансов царя. В свой последний приезд Варкоч со своею свитой в тридцать три человека в течение четырех месяцев съели: 48 быков, 336 баранов, 1 680 кур, 112 гусей, 224 утки, 11 200 яиц и 336 фунтов масла! Выгоднее было уж прямо поступиться кое-какими деньжонками! Надоедливого просителя отправили с целым обозом тяжело нагруженных телег, а когда их распаковали в Вене, советники императора Рудольфа увидели целый набор мехов!

Известно, что тогда шкурки куниц и сибирской белки часто заменяли в Москве золото и серебро. Это была последняя и самая жестокая мистификация.

Хотя и тщетно пытался Рудольф обратить в деньги громоздкий товар, однако не пал духом. Но и заменивший в 1597 году Варкоча Авраам Дона имел не более успеха. Дипломатия Годунова на этот раз пустила в ход средство, столь часто и столь успешно применявшееся Грозным: казна царя в распоряжении императора; но ведь речь идет о войне с турками? Значит, сперва необходимо создать общий союз всех христианских государей, а так как посол римского первосвященника находится как раз тут, то к делу можно приступить немедленно. Агент Климента VIII, Александр Комулович, действительно только что приехал в Москву, где он побывал уже два года тому назад. Но целью его миссии был исключительно вопрос о соединении обеих церквей, а Дона, со своей стороны, не имел достаточных инструкций для устройства нового крестового похода, и переговоры таким образом прервались.¹⁶

Возобновить их уже не привелось за неимением времени. Гроза приближалась. Много было сделано и с той и с другой стороны попыток к сближению, и все они остались тщетными. Пока все еще действовали ощупью, натываясь на многочисленные препятствия, разделявшие обе страны: расстояние, глубокое различие цивилизаций, интересов и психики; эту черту можно считать самой характерной вообще для зарождающихся сношений России с Западом во времена Феодора и Бориса.

IV. Сношения с Западом

Борис пытался даже и с отдаленной Францией завязать сношения. Посланный в Париж переводчик Петр Рагон вернулся в Москву в 1586 году с официозным агентом Франциском де Карле, по всей вероятности племянником известного Ланселота де Карле, сотрапезника Лопи-

¹⁶ Смотри для этого эпизода: Fiedler, Beziehungen Oesterreichs zu Russland, Almanach der K. Akad. der Wiss. 1866, стр. 257 и след.; Форстен. Балтийский вопрос. т. II, стр. 56 и след.; Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений, I, 13–14; Соловьев. История России, VII, 346; Pierling, Papes et Tsars, стр. 443 и след. – Документы: Памятники дипломатических отношений, I, 1049 и след.; II, № 32 и след. Hist. Russiae Mon., II, XXV; донесения и заметки Варкоча в Венских Архивах.

таля, Ронсара и дю Беллэ. Дядя был блестящим представителем короля Генриха II в Риме, а племянника уполномочили известить об отправлении посольства, которое так и осталось в проекте.¹⁷

С Англией дела шли значительно успешней, так как Боус, посланник Елизаветы, находился в Москве при восшествии Феодора на престол. Но после крупных разногласий с Грозным этот вспыльчивый дипломат собрался уехать и, садясь на корабль в Архангельске, в запальчивости даже бросил полученные им обычные подарки и письмо нового царя с существенными условиями нового торгового договора. Однако ливонец Бекман, отправленный курьером вслед за Боусом, в свою очередь остался недоволен тем, что будто бы Елизавета приняла его «в огороде», хотя королева уверяла, что «ни чесноку, ни луку там не росло». Более успешно постарался восстановить хорошие отношения между обоими дворами агент английской Компании Иероним Горсей; в 1587 году ему удалось даже получить очень выгодную для своих соотечественников грамоту. Эта, пятая по счету, грамота значительно сокращала и так уже относительно очень низкие пошлины, которыми еще обременяли в Московском государстве английских купцов. К несчастью, могущественная Компания не прочь была злоупотреблять своими привилегиями, подвергаясь, именно за эти привилегии, ярым нападкам со стороны своих соперников из Германии, Франции, Нидерландов и даже самой Англии. Под покровительством Компании некоторые из ее агентов предпринимали личные спекуляции, и близкий советник Елизаветы, сэр Франциск Вельшингем (Walshingham), не гнушался принимать в них участие; между тем Московия не могла их считать выгодными, тем более что зачастую они оказывались разорительными для ее подданных. Даже сам Годунов пострадал от одного банкротства. Но, с другой стороны, и Иерониму Горсею, этому полукупцу и дипломатическому посреднику, не всегда везло. Так, в 1586 году Борис тайно поручил ему привезти из Англии для Ирины ученую лекарку, которая помогла бы царице иметь детей, а Горсей вернулся с повивальной бабкой!

Годунов усиленно заботился, чтобы забыли это происшествие, а той порой злосчастное впечатление уменьшалось и тогда же привезенными Горсеем подарками; особенно способствовал этому орган, собиравший перед Кремлем целую толпу слушателей. Хотя Феодор не унаследовал от отца личных причин, побуждавших Грозного оказывать внимание Елизавете, зато царский любимец, как свидетельствует Горсей, наоборот, видимо, был проникнут подобными заботами. Он хотел обеспечить себе убежище в Англии, и, когда Горсей уезжал туда, Борис, в свою очередь, отправил королеве подарки; они были так великолепны, что Елизавета, рассматривая их с увлечением, даже «вспотела», хотя дело было в октябре!

Но Годунов был не Грозный. Английская Компания возбудила против себя недовольство, отказав перевести главный пункт своей торговли из Нарвы, оставшейся в руках шведов, в гавань Святого Николая на Белом море, как этого хотели москвитяне. Борис принужден был считаться с этим недовольством, и преемнику Боуса от 1588 до 1589 года, Джильсу Флетчеру, стоило немало труда снова все уладить. Победа, одержанная Елизаветой над испанским королем, сильно способствовала его стараниям, и шестая грамота прибавила к прежним привилегиям английских купцов право свободного проезда через все Московское государство. Однако эта шестая грамота не вернула им полной свободы от пошлин, полученной в 1576 году, когда Грозный мечтал жениться в Англии. И Флетчер даже лично не мог похвалиться вниманием, которое ему оказывали.

Он отомстил тем, что, вернувшись в Англию, обнародовал книгу, которая, несмотря на многочисленные ошибки и слишком явное, преднамеренное зложелательство, остается самым ценным источником для политической, социальной и экономической истории России в эту

¹⁷ См. Paris, La Chronique de Nestor, I, 381.

эпоху.¹⁸ Компания, встревоженная тем, что сочинение приобрело громкую известность, и опасаясь, как бы это не отразилось на делах ее, потребовала его конфискации, и Елизавета охотно согласилась на это. Своей едкой критикой абсолютной власти книга внушала опасения даже в Англии. Появившийся в 1845 году русский перевод был немедленно конфискован, а издатель его был лишен кафедры, которую занимал в Московском университете.

Между тем англо-русские отношения продолжали оставаться на хорошем пути, и правительство Феодора или Годунова вышло без больших потерь из этого дипломатического поединка. – Последствия расширения владений, одновременно предпринятого на востоке и юге государства, в течение 1590 года готовили России более тяжелое испытание.

V. Расширение владений на востоке

Медленно оттесняя азиатский элемент за свои постоянно расширяемые границы, Москва до конца XVI века была ограждена от возвратного наступательного движения мусульманских народов, с одной стороны, беспрестанными смутами, волновавшими Крымский полуостров, а с другой – набегами запорожских казаков, которые, беспокоя татар и турок, все замыслы их о возмездии обращали на Польшу, потому что казаки эти были ее подданными. Миротлюбивое расположение крымского хана поддерживалось кое-какими подачками, посылаемыми в Бахчисарай. Но в 1590 году Швеция догадалась дать больше, и последствия этого испытал на себе посланник Феодора, Бибигов. Подражая Баторию, Казы-Гирей, выслушивая царское послание, отказался встать, а весной следующего года Орда выступила в поход. Татары говорили, будто они идут на Польшу, но в Москве скоро узнали истину. В подобных случаях тревогу подымала умно устроенная сторожевая служба. Через всю степь, возле каждого высокого дерева, стояли по два казака: один время от времени взлезал на верхушку, чтобы осмотреть горизонт, другой держал коня своего товарища. И как только туча пыли показывалась вдаль, сторожевые скакали до ближайшего дерева по направлению к границе, а этот пост, получив тревогу, в свою очередь извещал следующий.¹⁹ Это был телеграф того времени. И вот благодаря ему 3 июля в Кремль узнали, что татары перешли Оку. На следующий день они были у ворот столицы. Наспех собранная и немногочисленная рать, казалось, не в состоянии будет защитить Москву. Что произошло тогда, так и осталось невыясненным в точности. Одна из тех паник, которой порою подвергались в те времена даже более дисциплинированные войска султана, внезапно обратила Казы-Гирея в столь стремительное бегство, что посланные в догоню за ним несколько московских отрядов настигли арьергард хана только уже около Тулы.

Наибольшую выгоду из этой победы извлек опять-таки Годунов. Кажется, он никоим образом не содействовал успеху. Он не был предводителем войска. А между тем главнокомандующий, Ф. И. Мстиславский, подвергся опале за то, что в своем донесении не приписал всей заслуги в этом событии временщику, как подобало. В конце концов всем воеводам были розданы великолепные награды – шубы «с царского плеча» и поместья, – но Годунов получил из них лучшую долю.

Впрочем, с Казы-Гиреем не все еще было кончено. Вернувшись сильно изуродованным в Бахчисарай, он обласкал Бибикова, сделал вид, будто ничуть не опечален этой неудачей, и позволил себе даже шутить по этому поводу.

– Меня плохо приняли у вас, – говорил он послу.

¹⁸ The Russian Common Wealth, 1591. (О Государстве Русском. Сочинение Флетчера. СПб. Изд. А. С. Суворина). – См. для этого события: Russia at the close of the XVI. С. Введение, ст. LXXXIX и след. и Приложение I, ст. 281; Толстой, Россия и Англия, №№ 61–64, 67–74, 76–80; Бантыш-Каменский. Обзор внешн. снош., I, 94 и след. Сборник Имп. Рус. Ист. Общества, XXXVIII, 186–246; Середонин, Сочинения Джильса Флетчера, стр. 140.

¹⁹ Карамзин. История Государства Российского, т. X, гл. III, стр. 138.

– Ты слишком скоро ушел, – ответил Бибилов, – если придешь другой раз, тебя лучше попотчуют.

Хитрый татарин ухмылялся и подумывал об отместке. Москва была рада, когда, два года спустя (в ноябре 1593 года), в Ливнах на Сосне ей удалось заключить окончательный мир, причем она обещала рассеять донских казаков и заставить терских не беспокоить турок. Хан в то время служил, действительно, обычным посредником между царем и султаном. Долгое время в Константинополе даже упорно отказывались вступить в непосредственные сношения с Москвой. «Его Величество, говорилось там, отправляет посланников только к великим государям Франции, Англии и Испании, которые платят ему дань». Благов, отправленный в Константинополь в 1584 году, чтобы известить о восшествии Феодора на престол, достиг того, что в Москву было снаряжено ответное посольство. Но и после мира в Ливнах разбойничьи набеги казаков и захваты русской колонизации по-прежнему мешали установить сколько-нибудь прочное соглашение.²⁰

Москва, действительно, беспрестанно подвигалась все далее и далее. В 1586 году она проникла в Закавказье, но, по правде сказать, тут ее первые шаги были неудачны. Один грузинский князь усиленно просил помощи против турок и персов, а ему послали монахов и иконописцев! Так как князь настаивал на своей просьбе, решили двинуть в поход отряд войска, но предводитель этого отряда князь Хворостинин был разбит и потерял 3 000 человек.²¹

Попытки возобновить сношения с Персией, сделанные одновременно с этим, были прерваны трудностями сообщения. Из всего многочисленного посольства, отправленного к шаху Аббасу в 1598 году, прибыли по назначению только одни сокольники, сопровождавшие драгоценных птиц.²²

Более успешно шли дела на северо-востоке: замирение возмущившихся черемисов и постройка целого ряда новых городов – Цивильска, Уржума, Санчурска – обеспечивали прочное владение. В низовьях Волги возникли новые города Саратов, Царицын. В Сибири, после смерти Ермака²³ и отступления его товарищей под предводительством атамана Матвея Мещеряка, на некоторое время торжествовал дикий Кучум. Но скоро по следам богатыря, искателя приключений, пошли один за другим московские отряды. В 1585 году воевода Мансуров построил при слиянии Иртыша и Оби укрепленный город и пушечным ядром сокрушил знаменитого идола, которого остяки противопоставили его артиллерии. В течение следующих лет были основаны Тюмень и Тобольск, а в 1590 году вслед за Лугуем, владевшим двумя городами и четырьмя крепостями на Оби, сам Кучум изъявил покорность.

Мирному завоеванию этого края способствовали и заселения Строгановых. Их промышленные успехи и создание Пелыма, Березова, Сургута, Тары, Нарыма и Кетского Острога, которые служили центрами привлечения русских земледельцев и ремесленников, позволили Феодору с 1592 года говорить о Сибири как об окончательно присоединенной к его владениям области. Кажется, теперь в России об этом забывают.

Во всяком случае, как внутри, так и извне, правление преемника Иванова было вполне мирно, и страна, после жестоких испытаний в царствование Грозного, обязана Феодору как бы перемирием между потрясениями недавнего прошлого и бурей недалекого будущего.

²⁰ Соловьев. История России, VII, 370 и след.

²¹ Там же, VII, 387.

²² Веселовский. Памятники дипломатических сношений с Персией, I, 334 и след.

²³ Waliszewski. Ivan le Terrible, стр. 478.

VI. Внутреннее управление

Изо всех имевших значение в русской истории временщиков Годунов был, без сомнения, наиболее достойным своей высокой доли. Он был неграмотен; но ему никак нельзя отказать в довольно правильном понимании польз и нужд своей родины в ту пору, когда он был призван ею править. Бывши сотрудником Ивана Грозного в его разрушительной работе, он сумел понять, что после перекройки следовало снова сшивать: положить конец экономическому расстройству, бывшему последствием революционной политики предшественника; восстановить обрабатывание земли в обезлюдненных центральных областях; оказать помощь классу «служилых людей», поместья которого обратились в пустыню; облегчить тягость налогов, которые обременяли сократившееся в числе тяглое население; наконец, ослабить до крайности обострившиеся столкновения между различными элементами населения. Годунов хвалился, что он всюду установил в такой мере «порядок и правосудие, что под его управлением никто, как бы велик и силен он ни был», не решится обидеть «даже сироту». Это были только красные слова; но после свирепых неистовств опричнины уже одно то, что правительство хвалилось честностью и правосудием, имело некоторую цену.

Борис Годунов был кичлив непомерно. В 1691 году московские послы утверждали в Варшаве, будто он освободил по всей стране землю от всяких налогов. Ни одной десятины, платящей хотя бы копейку! Опять одни красные слова, подобные обычному жесту Бориса, с каким он, теребя богато вышитый ворот своей рубахи, объявлял, что он готов поделиться всем, до этой одежды включительно, с первым попавшимся нищим. А в это самое время печальные угличские изгнанники и заведовавший земским хозяйством дьяк Битяговский, у которого впоследствии произошли с ними и другие более серьезные ссоры, спорили из-за размеров подати, причитавшейся с каждой обработанной десятины! Частичные льготы, отмененные ввиду истощения казны между 1580 и 1584 годами, были только что снова восстановлены, и Борис, по своему обыкновению, воспользовался этой щедростью и пустил пыли в глаза своим соседям, полякам.

Однако страна весьма заметно оправлялась от только что перенесенных ужасных испытаний. Население успокаивалось и увеличивалось, благодаря возвращению большего количества беглецов. Несмотря на упадок внешней торговли, который отмечен Флетчером и, без сомнения, объясняется потерей Нарвы, торговые обороты вообще заметно увеличились.²⁴ Но зло было глубоко, и те средства, к которым прибегали, могли оказать свое действие лишь со временем.

Политика Ивана Грозного стремилась расчленить некоторым образом и перестроить общество, положив в основание сословие «служилых людей», которое отбывало только воинскую службу и никоим образом не должно было приобретать значение органического элемента в общественном строе. Лицом к лицу с этим непроизводительным и неспособным к почину сословием стояли разъединенные, полные разлада, вооруженные друг против друга – крупный землевладелец, освобожденный от всяких повинностей; монах, ненасытно алчный к захвату земель; одинаково разоренные мелкий и средний собственник и превращенный в бродягу, ушедший в степь «казаковать» крестьянин, – все они выжидали только случая порешить с этой непрерывно ожесточавшейся враждой.

Впрочем, Годунов продолжал некоторым образом следовать программе Грозного, не проявляя лишь его жестокости. И русские и иностранные летописцы, как Тимофеев или Флетчер, вполне согласуются в указании на то, что Борис покровительствовал людям низкого звания в ущерб родовитой знати. И возвышение таких людей, как Клешнин, и значение, которое при-

²⁴ Платонов. Очерки по истории смуты, стр. 593.

давали в Думе дьякам вроде Щелкалова, по-видимому, оправдывают эту оценку. Но Годунов вместе с тем деятельно выступал в качестве примирителя в ожесточенной свалке тех обломков бывшего общественного строя, которые, покоряясь присущему им закону развития, стремились со своей стороны органически преобразоваться, но сталкивались между собою в страстной борьбе. Борьба шла за обладание землей, и в еще более жестоком виде – за обладание рабочими руками. Монахи и крупные помещики захватывали лучшие доли того и другого; а мелким собственникам приходилось оспаривать друг у друга немногие оставшиеся в их распоряжении пригодные к обработке десятины, охотиться на человека, на землероба; его преследовали в плохо охранявшихся поместьях, разыскивали по кабакам, где так удобно коварно переманить его, завлекали в дебри двусмысленного законодательства и продажного правосудия.

Годунов, в бытность своею правителем, а впоследствии царем, сильно заботился о том, какое придумать средство против этой хозяйственной и общественной язвы; и вот, под влиянием этой заботы или, вернее, с целью положить конец беспрестанному шатанью населения, обеспечить возделывание земли и искоренить разбойничество, он в 1592 году отменил, как полагают, право перехода, которое до той поры было предоставлено большинству крестьян.

Это было прикрепление к земле, безжалостный закон, одним росчерком пера закрепостивший тысячи человеческих существ!

Я уже высказал свое мнение по этому предмету,²⁵ и теперь, после нового исследования этого вопроса, я все еще отказываюсь допустить, что Годунов должен нести перед историей такую страшную ответственность. За неимением ни единого прямого свидетельства, его обвинителям остается ограничиваться умозаключениями, добытыми при помощи законодательных текстов позднейшего времени, из которых одни сомнительны или явно подложны, другим же можно давать самые различные толкования. Как ни много проницательности употреблено было на то, чтобы истолковать их в желательном смысле, мне все еще кажется неправдоподобным, чтобы почин одного человека мог, даже в этой стране произвола и насилия, ввести в один час то, что во всех других местах было созданием нескольких веков и следствием совокупности экономических и социальных причин. Те же самые причины издавна оказывали свое влияние и здесь, и последствием их вековой работы, завершившейся в XVI веке, было порабощение земледельца либо землею, либо землевладельцем (и этот вопрос тоже остается спорным).

Законодательный акт 1592 года, если он в самом деле причастен к вопросу, как и все последующие акты XVII и XVIII веков, относящиеся к этой области, издан был, вероятно, лишь с целью упорядочить на время истинное положение вещей, освященное житейским обиходом. В 1601 году, когда Борис уже царствовал, другое временное распоряжение должно было отчасти восстановить для некоторых разрядов крестьян право перехода, и вот из этого-то именно распоряжения исследователи и извлекли довод в пользу своего предположения об отмене права перехода в 1592 году. Но, лишая одновременно и притом самым прямым образом этой привилегии некоторые разряды крестьян, распоряжение это, подлинный текст коего дошел до нас, исключает, по-видимому, всякую мысль об общем законодательстве, касающемся этого вопроса. И будучи правителем, и сделавшись царем, Борис преимущественно прибегал к временным мерам, лишь бы выйти из затруднения, и этим он положил начало той «показной» политике, которой суждено было оказывать такое большое влияние на дальнейшую судьбу его родины.

Другой разительный пример этой политики можно видеть в самом важном событии его времени, имевшем значение как с политической, так и с религиозной точки зрения, – я имею в виду учреждение патриаршества.

По своим непосредственным причинам это событие, несомненно, находится в прямой связи с великим делом соединения обеих церквей; но в этом вопросе, как видно по отрица-

²⁵ Ivan le Terrible, стр. 29.

тельному результату двух уже упомянутых выше миссий Комуловича, Годунов сумел занять лишь пассивное положение.²⁶ А вопрос этот был не таков, чтобы можно было выжидать, воздерживаясь от решения. Откладывать его нельзя было никак. Флорентийская уния обращалась в ничто под воздействием трех факторов: московской пропаганды, византийского влияния и безучастного отношения к ней католического духовенства. Но оказалось, что подготавливалось иное сближение, в силу двух весьма различных и, тем не менее, действовавших согласно между собою причин: нового подъема религиозной энергии, возбужденного в католичестве натиском реформации, и происходившего в то же самое время расстройств, – я сказал бы, почти полного разложения – православной церкви в Московском государстве.

Русские историки прежде обвиняли по этому поводу польское правительство в макиавеллизме, а теперь и они²⁷ признают, что побочное возникновение этой досадной задачи было, главным образом, последствием внутреннего перелома в лоне национальной церкви. Конечно, Польша не могла оставаться безучастной к этому вопросу. В одних только польских владениях князя Константина Острожского (а они заключали в себе, со своими 35 городами и местечками и семью сотнями деревень, значительную часть нынешней Волынской и часть губерний Киевской и Подольской), в одних этих владениях насчитывали 600 православных церквей, большое количество православных монастырей и ни единой униатской церкви! Спустя тридцать лет после смерти этого властелина, его внучке Анне-Алоизе Ходкевич пришлось председательствовать при закладке иезуитской коллегии в Остроге; тогда как наследник другой части владений, князь Владислав Доминик Заславский, издал в 1630 году распоряжение, коим предписывалось, чтобы все православные священники присоединились к унии.²⁸ Конечно, это было делом ополячивания, которое совершалось таким образом. Но поляки лишь воспользовались движением, исходившим из недр самой православной церкви. После Флорентийской унии Брестская уния (заключенная 23 декабря 1595 года при единодушном содействии всех русских епископов, имевших епархии в Польше) была лишь своего рода расколом, происшедшим, как и раскол XVII века, вследствие болезненного состояния церковного организма.²⁹

Главным действующим лицом этого истинного раскола был воспитанник иезуитов Михаил Рагоза, рукоположенный в 1589 году константинопольским патриархом Иеремией в киевские митрополиты. Сам Иеремия, изгнанный в то время турками, искал убежища и... определения на должность. Удержавши его в Польше, можно было бы извлечь еще больше выгоды из его расположения. Но Сигизмунд упустил этот благоприятный случай, и странствующей патриарх направился в Москву, где его приняли с распростертыми объятиями.

С одной стороны, здесь чувствовали необходимость противодействовать тому, что подготавливалось в Польше, а с другой – преобразование национальной церкви уже давно стояло на очереди. Осуществленная уже на деле автономия русской церкви требовала еще освящения, а в то же самое время неизбежный упадок восточных патриархов делал безотлагательным разрыв номинальной зависимости, которой ничто уже не соответствовало в действительности. Во время своих частых посещений Москвы патриархи появлялись в ней почти только для собирания милостыни. Антиохийский патриарх Иоаким только что прожил там довольно долго; согласившись занимать второе место после московского митрополита, своего подчиненного по каноническому учению, он этим и внушил Годунову мысль обратить действительное положение дела в законоустановленное. Начали разрабатывать вопрос об учреждении независимого московского патриаршества. Приезд Иеремии содействовал осуществлению этого замысла. Обольщенный надеждой, что он сам займет новый патриарший престол, он охотно

²⁶ См. для истории этих миссий: Памятники дипломатических сношений, X, 393–502; Hist. Russiae Monumenta, II, №№ 26–29; Pierling, Papes et Tsars, стр. 448 и след.; его же, La Russie et le Saint-Siège, II, 330 и сл.

²⁷ См. у Ореста Левитского, в его предисловии к шестому тому Архива юго-западной России, стр. 9.

²⁸ Кулиш. История воссоединения Руси, I, стр. 251 и след.

²⁹ Архив юго-западной России, VI, № 246.

согласился взять задуманное учреждение под защиту своего авторитета. Но ему предложили кафедру во Владимире, так как митрополит Иов не мог уступить ему своего места в Москве, и вот 26 января 1589 года Иеремия покорился судьбе и рукоположил этого своего соперника.³⁰

Указ, обнаруженный по этому поводу, напоминает, что после Рима и Константинополя Москва сделалась средоточием христианской церкви, третьим Римом; он и определил быть новому патриарху на третьем месте после константинопольского и александрийского. Это последнее постановление не было утверждено Константинопольским собором, который в 1590 году дал согласие на самый акт, который Иеремия взял на свою ответственность. Новый московский патриарх оказался отодвинутым на пятое место. Но в Москве об этом и знать ничего не хотели.³¹

Ясно, что это было прекрасное добавление к зарождающемуся великолепию государства. Но все это было лишь украшение «напоказ». Как признает один из крупных русских историков, учреждение патриаршества не принесло национальной церкви никакого приращения внутренних сил, не внесло в нее никакого оздоравливающего и животворного начала. Будучи и без того уже автокефальной, даже более чем независимой в своих отношениях с нуждающимися восточными иерархами, русская церковь не приобрела того, что ей было гораздо более необходимо: никакого нового обеспечения от произвола светских властей, а только они одни и угрожали ее независимости.³² Как покажет потом близкое будущее, патриаршество сделалось скорей преградой для преобразований внутри церкви, и опять-таки лишь они одни могли бы поднять национальное духовенство на высоту его призвания.

Но, предваряя подвиги, которыми блистали и многие другие из будущих властителей России, Годунов имел склонность к прикрасам и пусканию пыли в глаза, и к этим приемам введения в обман он прибег вскоре при таком событии, которое имело более решающее значение, когда его судьба, хотя все еще восходящая, наткнулась на зародыш рокового падения и заразилась им.

На пороге тревожной эпохи, изучение которой составляет истинный предмет настоящего труда, и о которой я сейчас начну рассказывать, царствование Феодора походит на тот промежуток обманчивого безветрия и лучезарного затишья, который предшествует бурным событиям в природе. Излагая по возможности сжато его историю, я, к сожалению, чувствую, что мне все-таки не удалось избавить своих читателей от некоторой скуки в этом несколько тусклом прологе. В следующей главе читатель будет введен в самую суть драмы.

³⁰ Собрание государственных грамот и договоров, II, стр. 95. Сличите у Терновского. Изучение Византийской истории, т. II, стр. 72–73.

³¹ См. по этому вопросу: Николаевский. Учреждение патриаршества; Зернин, то же заглавие (Архив истор. и юрид. наук, изд. Калачевым, т. II, 1-ая часть, стр. 1—34); Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку; Макарий. История русской церкви, X; Haigold (Schlözer), Beilagen zum neueränderten Russland, I, стр. 1; Adelung, Uebersicht der Reisenden, I, 381. Источники: Древняя Российская Вивлиофика, тт. XII и XVI; Русская истор. библиотека, II; Акты исторические. Дополнения, № 76. – Греческие повествования: Иерофея, именуемого также Дорофеем; в русском переводе у Терновского, указанное соч., Арсения Элассонского, напечатанное в Codices manuscriptorum Bibl. Taurinensis, Turin, 1749, т. I, по рукописи, которая теперь находится в Парижской Национальной библиотеке.

³² Костомаров. Русская история в жизнеописаниях, т. I, стр. 599.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Драма в Угличе

І. Династический вопрос

Без сомнения, в наше время громадная Сибирь, предназначенная для более славной участи, скоро перестанет быть местом ссылки. Однако, по-видимому, там останется по крайней мере один ссыльный, и – любопытная подробность – он находится в ссылке с 1591 года! Да, он начал в ту пору одну из самых печальных глав в истории человечества. Он был в первой партии ссыльных, отправленных из Углича в Тобольск и Пелым.

Вплоть до восемнадцатого века сохранился обычай увечить осужденных в ссылку преступников, таким образом отправляемых в далекий край, – это был способ отметить их и лишить надежды на успех побега. Им рвали ноздри, а иногда и отрезали уши. Это служило, вместе с тем, как добавочное наказание и знак позора. Ссыльный 1591 года не избег этого варварского обращения. Более счастливый, чем некоторые из его товарищей по несчастью, он пережил свою рану, и в 1837 году в Тобольске около дома протопопа построили маленький сарай, где этот печальный свидетель скорбного прошлого был показан наследнику престола во время его путешествия по области. В 1849 году жители Углича ходатайствовали о его помиловании, и просьба, представленная императору, была принята благосклонно. Но вмешательство Святейшего Синода заставило отказаться от задуманного дела милосердия, и возобновленная в 1888 году попытка имела не больше успеха.

Читатель уже догадался, что этот ссыльный был из материала более способного, чем человеческое тело, сопротивляться времени и страданиям. Это – колокол, а отбитые ушки его – отрезанное ухо. За какое неискупимое преступление этот колокол понес наказание, до сих пор не обезоружив неумолимого преследования гражданских или церковных властей? 16-го мая 1591 года он возвестил жителям города Углича о смерти царевича Дмитрия.³³

Генеалогическое древо Рюрикова дома представляет редкую особенность. Из всех царственных родов он лучше других исполнял заповедь: плодитесь и размножайтесь. С девятнадцатого по шестнадцатое столетие мощный ствол, посаженный основателем русской империи в славяно-финскую почву, покрыл огромное пространство своими постоянно расширявшимися ветвями. А между тем младшая линия в потомстве Александра Невского, утвердившаяся в Москве, имела в то же время противоположную судьбу. По мере того как ее политическое первенство укреплялось на развалинах соперничающих домов, число ее представителей все уменьшалось, так что их насчитывали очень немного. Впрочем, это явление можно легко объяснить: общее правило всех русских наследственных владений требовало более или менее равного раздела вотчин, вследствие чего все более и более увеличивалась ценность наследства, и в свою очередь обнаруживалось влияние закона борьбы за существование. Так, молва говорит, что Василий Темный (1425–1462) то ядом, то железом устранил обоих своих двоюродных братьев, Василия Косого и Дмитрия Шемяку, а также и внучатого племянника, Василия Боровского, и его трех сыновей. Иван III, великий «собиратель земли русской» (1462–1505), счел уместным предупредить раздробление своего значительно увеличившегося государства, погубив своего внука Дмитрия Ивановича и сидевшего в Угличе брата его Андрея с двумя его сыновьями. Отец Грозного Василий Иванович (1503–1533) принял те же меры предосторожности по отношению к внучатному двоюродному брату, Василию Шемяке-Рыльскому, и

³³ Исторический Вестник, 1890 г., окт., стр. 198. Очерк Пыляева с приложением изображения этого колокола.

даже правительница Елена (1533–1538), перед тем как сама умерла от отравы, позаботилась отправить на тот свет двух своих шурьев, Юрия и Андрея.

Сверх того, московские великие князья только в виде исключения давали своим братьям разрешение жениться, и при восшествии Феодора на престол поле соперничества оказалось, таким образом, весьма суженным. Правда, в княжеских фамилиях Долгоруких, Лобановых, Гагариных оставалось еще бесчисленное потомство Рюрика, но торжествующий род Калиты отодвинул на второй план эти пришедшие в упадок дома и устранил их из числа соперников. Новая политика Москвы даже противопоставила им в лице таких фамилий, как Квашнины, Бутурлины, Воронцовы и Шереметевы, новую аристократию. Из родственников, имевших право наследования, у Феодора оставались только его младший брат Дмитрий и дочь Владимира Андреевича (это был двоюродный брат Ивана IV, в свое время также умерщвленный), Мария Владимировна, вдова Магнуса, носившая титул королевы Ливонии.³⁴

Королева эта жила в Риге, и польское правительство, с одной стороны, тяготившееся обязанностью содержать ее, а с другой – удовлетворенное обладанием такой заложницы, оказывало вдове Магнуса неприветливое гостеприимство. Она имела малолетнюю дочь Евдокию. В 1586 году Годунов решил возвратить в Россию обеих принцесс и начатые по этому поводу переговоры поручил Горсею. Возможно, что он хотел принести новые жертвы предусмотрительной политике, которая обеспечила величие Москвы. Но Горсей сочинил целый роман, рассказывая, будто бы различными уловками и с разными приключениями, вроде ухаживания, ночного похищения и т. д., ему удалось отнять эту добычу у бдительных ее сторожей. А истинный ход дела был таков: получив согласие Марии Владимировны, московское правительство самыми безупречными дипломатическими приемами обеспечило выдачу обеих царственных женщин.³⁵ Впрочем, Горсей, пожалуй, помог уговорить вдову Магнуса если и не тем, что раточал ей любезности, то по крайней мере надеждой на лучшее обращение сравнительно с тем, какое она испытала в Польше. А ведь она могла предвидеть, что ее ожидало в самом благоприятном случае. В Московском государстве, по заведенному обычаю, признавалось, что вдовы пристраиваются только в монастырь. Итак, вернувшись на родину, Мария Владимировна должна была принять иноческий чин в монастырь, соседнем со знаменитой Троицкой лаврой. Но здесь по крайней мере она была в безопасности с тех пор, как перестала быть опасной, и в течение следующих лет мы встретим этот печальный обломок мечущимся среди самых реальных и весьма трагических приключений. Дочь ее, напротив, так как ее еще нельзя было постричь в монахини, вскоре погибла, и на Бориса пало подозрение, что она погибла насильственной смертью.³⁶

Устранив таким образом эти препятствия, Годунов очутился перед другим возможным соперником, который уже был царем, и это тем более указывало на него, хотя было лишь подобием царствования. Мои читатели, должно быть, не забыли этого бывшего царя, татарина Симеона, которого Грозный вздумал однажды сделать своим заместителем. Но этот соперник, удаленный в Кучалино и случайно или иным образом лишившийся зрения, не шел взаправду в счет. В 1589 году – предполагаемый год смерти малолетней Евдокии – кроме надежды на потомство, которое царица Ирина могла сохранить, династический вопрос был упрощен как нельзя более. Остался один только Дмитрий, который запутывал его, мешая вероятным честолюбивым замыслам Годунова.

Для того времени Углич был довольно значительным городом – три собора, полтора ста церквей, двенадцать монастырей, две тысячи монахов и тридцать тысяч жителей. Полузакон-

³⁴ Ivan le Terrible, p. 285, 291.

³⁵ Horsey, Trevels, в *Russia at the close of the XVI. C.*, стр. 210 и след. Ср. статью Цветаева в Ж. М. Н. Пр. 1878 г., март, стр. 83; также см. официальную переписку в «Чтениях Общ. Ист. и Древн.», 1837, VIII, 392–898.

³⁶ Могилы обеих принцесс находятся в Троицкой лавре, где они последнее время пребывали. См. «Москвитянин», 1841 г., II, 557.

ный царевич мог довольствоваться таким уделом, а деревянный дворец, – ведь и в восемнадцатом веке палаты Елизаветы и Екатерины были еще деревянные, – отвечал требованиям княжеского жилища, если не великолепием архитектуры, по крайней мере, своими размерами; а между тем брату Феодора и семье его было нелюбо в нем, они тосковали по Москве, им хотелось быть поближе к Кремлю, а здесь они обречены были терпеть враждебное отношение к себе людей, приставленных для надзора за ними, и уже упомянутый Михаил Битяговский выделялся среди них своим сварливым нравом и вымогательствами.

Если верить некоторым летописцам, Дмитрий, хотя он был еще ребенок, обнаруживал особенную чуткость к этому дурному обращению, проявляя буйный нрав, мстительный характер и даже предрасположение к жестокости. Он был действительно сын Грозного. Рассказывали, что Дмитрий охотно смотрел, как резали быков или баранов, а иногда он пробирался в кухни, чтобы собственноручно свернуть шею нескольким цыплятам. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевич велел сделать из снега двадцать человеческих изображений и, дав им имена приближенных своего старшего брата, с криком: «Вот что вам будет, когда я буду царствовать», – рубил их изо всей силы саблей. И Борис не был забыт в этой игре в возмездие. Но может быть также, что иностранные повествователи служили только эхом лживых рассказов, умышленно распускаемых самим же Борисом. Один из них – Флетчер – сообщает в 1589 году более правдоподобное известие, которое необходимо сохранить в памяти, – известие, что в то время неоднократно делались попытки отравить малютку.³⁷

Спустя два года, 15 мая 1591 г., Углич всполошился. Колокол церкви Спаса ударил в набат, десятка два других подхватили его. В толпе, быстро сбежавшей к ограде дворца, слышались крики о мести, затем произошла кровопролитная свалка, и распространился слух, что царевич только что убит.

Дмитрий родился 19 октября 1583 года, ему было семь лет и семь месяцев без четырех дней, когда случилось это несчастье. Обстоятельства, при которых оно произошло, требуют внимательного исследования.

II. Смерть Дмитрия

В большинстве летописей повторяется с небольшой разницей в изложении один рассказ об этом событии, и рассказ этот сохранил вплоть до наших дней совсем особый характер достоверности; в самом деле, повествование это получило сугубое подтверждение – и официальными документами, и церковными канонами. Это повествование о совершенном в Угличе 16 мая 1591 года убийстве было в 1606 году внесено в манифест одного из преемников Феодора, Василия Шуйского, и оно же послужило основанием для причисления мученика-младенца к лику святых, которое провозглашено было в том же году. Вот его краткое изложение.

Годунов, сам добиваясь трона, несколько раз пытался избавиться от малолетнего Дмитрия. После безуспешных попыток отравить его, Борис сговорился со своими родными и друзьями совершить иное покушение на его жизнь, и окольный Андрей Петрович Клешнин, выдвинувшийся по милости временщика, взялся его исполнить. Его заботами в Углич в качестве городских приставов были отправлены Михаил Битяговский с сыном Даниилом и племянником Никитой Качаловым и сын мамки Дмитрия, Осип Волохов. Они навлекли на себя подозрения царицы Марии Нагой, и она усугубила бдительность. Но 16 мая 1591 года, около полудня, царица оставила своего сына на попечение мамки Василисы Волоховой; мамка, будучи участницей заговора, не обращая внимания на возражения кормилицы, Ирины Ждановой, повела царевича во двор. Убийцы выжидали этой минуты. Осип Волохов взял царевича за руку и спросил его об ожерелье, которое он носил; ребенок поднял голову, чтобы ему отве-

³⁷ Russia at the close..., стр. 22.

тять об этом ожерелье, и в этот миг Волохов ударил его ножом по горлу. Но рана оказалась легкая, хотя жертва упала без чувств. Кормилица бросилась на тело царевича, чтобы прикрыть его собою, и пронзительно закричала. Между тем убийца обратился в бегство. Тогда Данила Битяговский и Качалов, избивши до полусмерти Жданову, вырвали из ее рук мальчика и прикончили его. Прибежала мать и, в свою очередь, подняла крик, но никто не услышал ее. Было время послеобеденного сна, и родственники царицы почивали в покоях, занимаемых во дворце или же в соседних домах. Тревогу поднял сторож церкви Спаса; он находился случайно на колокольне, откуда видел все происшедшее, и ударил в набат. Сбежался народ. Толпа, узнав, что случилось, бросилась на убийц; во время этих беспорядков были убиты Битяговский и одиннадцать предполагаемых его соучастников. Той порой тело царевича перенесли в собор Преображения Господня, а в Москву, чтобы уведомить Феодора, отправили гонца. Как и следовало ожидать, весть прошла сначала через руки Годунова, который позаботился изменить ее смысл. Было признано, что Дмитрий, играя ножом, сам лишил себя жизни, и следственная комиссия, составленная из преданных временщику людей, подтвердила этот рассказ.³⁸

Хотя причисление Дмитрия к лику московских мучеников продолжает поддерживать доверие к этому рассказу об убийстве, все-таки он возбуждает многочисленные возражения. Прежде всего, в то время, когда произошло это прискорбное событие, смерть царевича как раз не могла настолько послужить на пользу честолюбию Годунова, чтобы внушить ему мысль о преступлении. Если он и в самом деле питал вожеления на наследство Феодора, то в ту пору его отстраняло пока от наследства еще иное препятствие: Ирина, будучи отныне совсем здоровой, через год (14 июля 1592 г.) должна была стать матерью. Во-вторых, Битяговский и его сообщники были отправлены в Углич не в 1591 году; они вступили в исполнение своих обязанностей вслед за водворением в этом городе Дмитрия, — значит, еще в то время, когда Годунов не мог и думать сделать их орудием преступного замысла. Наконец, хотя этот рассказ и признается официальным, но ведь существуют и другие, тоже имеющие притязания считаться официальными. Архивы сохранили несколько таких сообщений, которые, опять-таки официально, были признаны при сличении их между собою непримиримо противоречащими друг другу. В хронологическом порядке рассказ о «несчастном случае», источником которого были правительственные следователи 1591 года, занимает даже первое место. Несчастный ли случай или убийство, но сила обоих этих утверждений одинакова, тем более что их ответственным виновником оказывается одно и то же лицо. Председателем следственной комиссии 1591 года и вдохновителем манифеста и канонизации 1606 года, действительно, был все тот же Василий Иванович Шуйский, невозмутимо противоречивший себе в обоих случаях.

III. Следствие

Уже один выбор Шуйского председателем следственной комиссии, кажется, представляет достаточно красноречивое свидетельство в пользу невиновности Годунова. Ведь Василий Иванович принадлежал к семье, среди членов которой правитель менее всего мог искать себе соучастников. Чтобы устранить этот довод, указывали на недавнюю женитьбу Дмитрия Шуйского — брата Василия — на свояченице Годунова, дочери Малюты Скуратова. А с другой стороны, товарищи Шуйского, Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и митрополит Геласий, представляли-де все поруки своего полного послушания. Пусть будет так.

³⁸ Русские летописи: Летопись о многих мятежах; повесть 1606 года (Иное сказание); Повесть о убийстве царевича Дмитрия (издана в 1864 г. Бычковым в Чтениях Общ. Ист. и Древн.); Сказание о Гришке Отрепьеве (Русск. Истор. Библ., XIII, 707) и др. источники, указанные Платоновым в его книге «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени», стр. 330. Сличение жития: первое житие Святого Дмитрия было написано в 1607 г.; это лишь краткое изложение Повести 1606 года; второе было составлено князем Шаховским и имеется в полном собрании его сочинений; третье жизнеописание появилось около середины XVII века в Минеях Милюткина (Рус. Истор. Библ. XIII, 901) и в минеях Тулупова (там же, XIII, 880).

Все протоколы следствия сохранились в московских архивах, не хватает лишь немногого (но официальное издание преувеличило значение этих пропусков).³⁹ Эти пропуски, если их и в самом деле так много, во всяком случае, касаются лишь подробностей, сравнительно несущественных. Документ этот несчетное число раз был анализирован, подвергается самой кропотливой и порой чересчур суровой критике. Конечно, следствие Шуйского и его товарищей нельзя назвать образцовым. Да и странно было бы искать таких образцов в юридических памятниках шестнадцатого века. В их произведении легко можно заметить кое-какие упущения по небрежности и много странностей. Так, не достаёт показаний главного свидетеля – царицы Марии; ее, оказывается, не допрашивали. Показания большинства других свидетелей чересчур согласны между собой и производят впечатление хорошо заученного урока. Очных ставок не делали, когда это было явно необходимо сделать, а в других случаях не допрашивали порознь, когда это послужило бы на пользу дела. Горожане, селяне, чиновники всех степеней, попы, архимандриты, игумены, простые священники – из которых один, прозываемый «Огурец», лишившись жены, недавно перед этим был разжалован в пономари, – дворцовые слуги, повара, поварята, булочники, истопники, холопы, – все были призваны сразу и хором повторяли за Василисой Волоховой рассказ, явно бывший отголоском чужих слов. Все они признаны свидетелями-очевидцами, а между тем многие из них, явное дело, не могли ничего видеть.

Это подозрительное однообразие, однако, не всеобщее. В форменном противоречии со всеми остальными находится показание Михаила Нагого. И, в частности, оно свидетельствует об относительной искренности при допросе обеих сторон.

Кажется, этот документ был составлен не на месте допроса; в нем есть указания на такие действия следователей, которые они могли исполнить только впоследствии, только прибывши уже в Москву. И этого обстоятельства вполне достаточно, чтобы объяснить отмеченные выше недостатки в соблюдении формальностей.

Наконец, следователи упустили начать дело с начала, а именно, они не осмотрели внимательно тело жертвы; они не видали его! Наоборот, еще прежде чем приступить к делу, они допустили как уже добытое следствием самое существенное, что именно следователи и должны были вывести на свет Божий, – смерть царевича и род этой смерти. Они признали достоверным, что малолетний Дмитрий в припадке черной немочи нанес себе смертельный удар, и все свое старание употребили лишь на то, чтобы выяснить, кто подлежит ответственности за этот несчастный случай или за последствия его. Итак, главным образом, они затеяли дело против Нагих, обвиняя их в том, что те без всякого уважительного повода подстрекнули перебить Битяговского и его товарищей по несчастью.

Однако источник этот и в теперешнем его виде не может быть совсем окончательно отвергнут. Вся история человечества перестала бы существовать более чем наполовину, если бы мы без дальних рассуждений отвергали все подобные и еще более сомнительные свидетельства. Даже время, когда так изложено было событие 1591 года, дает ему превосходство перед вторым официальным повествованием, которое спустя пятнадцать лет – и на этот раз явно – было внушено посторонними делу соображениями или легендами. В 1591 году обстоятельства события были еще в полной силе и потому не позволяли полного искажения. Толкуя их произвольно, следствие не могло, вероятно, изменить самой сути дела. Вот эти факты, как они выясняются на основании официального дознания.

С некоторых пор царевич Дмитрий прихварывал. У него обнаружилась склонность к падучей болезни. В один из недавних припадков он поранил свою мать свайкою и укусил палец одной из приставленных к нему женщин. Чтобы исцелить ребенка, обратились к знахарю, а когда беда случилась, его обвинили в порче царевича. Эти сведения, собранные следствием, не могут быть все до одного явной выдумкой. Накануне несчастья больному стало лучше, мать

³⁹ Собрание государственных грамот и договоров, II, 103–128.

повела его к обедне, а вернувшись домой, позволила ему играть во дворе. На следующий день царица поступила так же; ребенок остался с мамкой Василисой Волоховой, кормилицей Ириной Тучковой (по мужу Ждановой, называемой в некоторых документах Дарьей) и постельницей Марией Колобовой (по мужу Самойловой). На заднем дворе к ребенку присоединилось четверо товарищей, мальчики из сословия «жильцов»: Петр Колобов, Бажен Тучков, Иван Красенский и Григорий Козловский. Стали играть в «тычку», попадая ножами в цель. Вдруг у царевича начался припадок эпилепсии; падая, ребенок поранил себе горло ножом, который собирался метать. Дмитрий скончался не тотчас же; брат царицы Григорий застал своего племянника еще живым, а он прибыл на место происшествия немало времени спустя, когда тревога разнеслась уже по всему городу. Кормилица с криком подхватила ребенка на руки. На крик ее прибежала мать. Ребенок был ранен, но, очевидно, с первого взгляда нельзя было сообразить, насколько рана была опасна. Что же делает мать? Надо было бы ожидать, что она кинется на помощь своему ребенку и вырвет его из рук провинившейся кормилицы, виновной в непростительной оплошности; ведь, конечно, было безумием позволить ребенку, страдавшему падучей, играть с ножом. Но нет! Как я уже указывал выше, рассказ Василисы Волоховой послужил основанием и, так сказать, лейтмотивом для большинства показаний, собранных следствием. А ведь, если верить мамке, царица в этот трагический момент не занялась ни раненым, ни кормилицей. Она все свое внимание обратила только на нее, мамку, и вот эта мамка становится главным лицом и почти, можно сказать, главной жертвой драмы.

Заметим кстати, – эта женщина вышла в люди по милости царицы. Будучи низкого происхождения, она проникла во дворец и получила звание большей боярыни только потому, что снискала благорасположение последней супруги Грозного. И вот покровительница и любимица вступают в драку. Раненый ребенок тут же, но одно чувство воодушевляет и побуждает действовать мать, это – гнев. Она схватила полено и с размаху ударила Волохову. В то же время она указывает на сына мамки Осипа, как на убийцу царевича. Осипа не было на месте происшествия; по крайней мере он не присутствовал тут, когда произошло несчастье с царевичем. Каким образом и почему на него взваливают вину? Но вот ударили в набат; где именно, – на колокольне ли церкви Спаса или царя Константина, – этот вопрос остается нерешенным. Кто первый зазвонил, или кто отдал приказание звонить, это – тайна. Собралась толпа, и вместе с ней прибежали братья царицы, Михаил и Григорий. Михаил был «мертвецки пьян»; к тому же у него были личные счеты с дьяком Битяговским. По крайней мере один из свидетелей во время следствия – Суббота, на очной ставке с Федотом Афанасьевичем по прозванию «Огурец», – показывает, что Михаил Нагой требовал от Битяговского больше денег, чем тот хотел дать. С другой стороны, уже издавна началась вражда между Нагими и Борисом Годуновым. По свидетельству одного летописца,⁴⁰ после женитьбы Грозного на Марии Нагой один из братьев новой царицы, Афанасий, стал обвинять этого временщика перед царем. И вот теперь другой брат, Михаил, присоединяется к голосу сестры и указывает толпе на Михаила Битяговского и его сына Даниила как на сообщников Осипа Волохова в умерщвлении царевича: они-де совершили злодеяние по приказанию Годунова. Толпа взламывает дверь избы, в которой заперся Михаил Битяговский с Даниилом Третьяковым, и убивает обоих. Данилу Битяговского, в свою очередь, нашли в дьячьей избе; его убили вместе с Никитой Качаловым и другими несчастными, вступившимися за Битяговских и Волохову. Погоня за Осипом Волоховым ворвалась даже в церковь, и здесь его убили в присутствии царицы.

Кто видел все эти ужасы? Кто свидетельствует о них? – Всё Волохова. Между тем ее саму ударили первую и, если поверить ей, чуть живую бросили на месте события. Излив на мамку весь свой гнев, царица передала полено Григорию Нагому, и тот с ожесточением бил мамку

⁴⁰ Хронограф Латухинский (Степенная книга), см. Карамзин, т. IX, примеч. 618.

этим поленом. Другие палачи присоединились к нему. Все равно! Жертва все видела, следила за всеми переменами драмы.

А между тем – и это еще более удивительно – ни четверо детей, участвовавших в игре с Дмитрием, и никто из свидетелей-очевидцев не указывают мамки среди присутствовавших во время несчастья женщин. Каким образом и за что приобщили ее к делу и так жестоко с ней расправились?

Возникает еще другой вопрос: что же случилось с царевичем среди этой сумятицы и резни? В этом пункте единодушны все свидетели: на руках кормилицы он долго мучился в судорогах. «Его долго било», повторяли один за другим все свидетели. В какую минуту он умер? – Неизвестно. Кто же убедился в его смерти? – Никто. Тело поспешно было перенесено в церковь, с той же торопливостью похоронено, и равнодушие, проявленное при долгой агонии, сопровождало несчастного ребенка до самой могилы. Три дня спустя, 18 мая, Михаил Нагой, протрезвившись, постарался только оградить себя лично от ответственности. По его распоряжению приказчик Русин Раков набрал разного оружия – пищалей, кинжалов, палиц – и, вымазав их кровью нарочно зарезанной для этого курицы, разложил около трупов Битяговских и других убитых, – вот, мол, улики их причастности к убийству царевича. Действительно, брат царицы крепко ухватился за эту мысль и с величайшей энергией отстаивал ее против всех противоположных свидетельств, включая сюда и свидетельства других Нагих, Григория и Андрея. Только один Афанасий не присутствовал при дознании, – он бежал.

Новая странность. Этому дяде царевича, совсем непричастному к несчастному событию, казалось, нечего было опасаться последствий его. Почему же он бежал? Быстро добравшись до Ярославля, несколько дней спустя, когда следствие уже началось, он постучался в полночь у ворот Иеронима Горсея, который случайно проживал в этом городе. Нагой сообщил английскому агенту о смерти царевича, убитого ставленниками Годунова, и просил лекарства для царицы; она, говорил он, тоже стала жертвой отравления, ей грозит смерть, у нее выпадают волосы и ногти, и сходит кусками кожа.⁴¹

Что это значит? Мать Дмитрия не сопровождала Афанасия в этом необъяснимом бегстве, и нет другого свидетельства, где бы упоминалось о покушении на ее жизнь в это время. Да если бы ей и действительно нужна была такая помощь, то какие средства оставались у находившегося в бегах брата, чтобы доставить ей эти лекарства?

Но и поведение самого Михаила Нагого не менее необъяснимо. Говорили, что царевича зарезали ножом; каким же образом дяде его пришлось в голову указывать на пищали и палицы как на орудия убийства?

Обстоятельства дела, представленные таким образом в протоколах следствия или в дополнительных показаниях, кажутся несовместимыми, так как сами свидетели подозрительны. Григорий и Андрей Нагие, признанные в качестве свидетелей-очевидцев, прибыли на место происшествия, только уже услышав набат. Пономарь «Огурец», который ударил первый в набат, и которого легенда потом сделала зрителем происшествия с высоты колокольни, в действительности находился дома, когда произошло смятение; даже нога его не была на дворе дворца, и он не видал царицы. Звонить он стал, повинувшись какому-то приказанию, но следователям не удалось выяснить, от кого исходило это приказание. Иные из собранных ими показаний обличают явную ложь. Таков рассказ некоторых горожан: переправляясь через Волгу на призыв набата, они будто бы видали, как убивали Битяговских; спросив затем убийц, из-за чего идет эта резня, они получили такой ответ: царевич зарезался, играя ножом. Очевидно, убийцы не могли так оправдывать свои жертвы в то самое время, когда избивали их.

Однако – иначе мы должны будем отказаться от всякой исторической критики – некоторый свет проливается на это темное, запутанное событие. Существует два возможных предпо-

⁴¹ Russia at the close of the XVI. C., стр. 254.

ложения, и второе из них почти что достоверно: во-первых, царевич был подвержен эпилептическим припадкам, и во-вторых – 15 мая 1591 года он стал жертвой или несчастного случая, или преступления. В остальном мы остаемся в области догадок; между ними, однако, я замечаю одну, по-видимому, логически вытекающую из всех известных обстоятельств, отчасти достоверных, отчасти вероятных; она невольно приходит на ум; вместе с тем в ней нет тех поразительных несообразностей, которые лишают силы все остальные гипотезы, какие можно было бы противопоставить ей. Я не колеблюсь ее высказать – 15 мая 1591 года царевич Дмитрий не умер. Он не погиб от поразившего его удара, и его жизнь даже на миг не была в опасности.

Допустите противоположную, преобладавшую до этого времени гипотезу и попытайтесь восстановить событие, как оно описано свидетелями при следствии. Можете ли вы представить себе царицу Марию в том положении и с теми движениями, которые они ей придавали на следствии? Представьте ли вы себе ее отдававшуюся только чувству гнева и ненависти, только стремление ударить в свою очередь или донести на предполагаемых виновников покушения? Неужели врожденное чувство не побудило ее помочь ребенку – своему детищу, – ведь он пока жив еще и требует ее забот!

Я взываю ко всем матерям!

Но вот еще: в то время как несчастное, покинутое всеми существо долго бьется на руках служанки в предсмертных схватках и судорогах, рядом с матерью, каких не бывает, каких никогда не бывало ни в Московии, ни вообще на свете, можете ли вы представить себе всех тех, кого несчастный случай или покушение на жизнь собрало к месту действия: слуг, родственников, горожан, крестьян, безучастно не обращающими внимания на продолжительные предсмертные муки царевича, подражающими его матери-извергу и занятыми только мстью?

Это невозможно! Ни в какое время, ни в какой стране это не могло так происходить!

Впрочем, вот еще другие указания, поддерживающие то же доказательство. Следователи виновниками смерти Битяговского и других людей, убитых рядом с ним, считали Нагих и взбунтованных ими граждан Углича, вследствие чего семья царицы и весь город Углич подверглись ужасному и беспощадному возмездию. Царицу принудили принять монашество в глухом Никольском монастыре около Череповца на Виксе. Отправленные в Москву, Нагие покинули темницы и застенки, где их пытали, лишь для того чтобы быть сосланными в разные отдаленные места. Двести обывателей города Углича погибли в пытках, другим отрезали языки, и наконец большинство, почти все население, было приговорено к ссылке. Пока в далеком Пелыме собирались осужденные, самый колокол церкви Спаса, включенный в огульную опалу, был отправлен в Тобольск.

За что такая суровость? Чем виноват этот колокол, ударивший в набат по воле неизвестной руки? Торжественный ли звон, или тревожный – обязанность колокола, и он исполнил ее; ведь ребенок, царевич, был смертельно ранен, – кругом его раздавались крики и злоеющий ропот! А сами убийцы Битяговского и соучастников его? Неужели не нашлось, по меньшей мере, обстоятельств, смягчающих виновность, и притом таких, что судьи, каковы бы они ни были, в такой стране, как тогдашняя Русь, должны были, казалось, принять их во внимание. Сбежавшись на звуки набата, эти люди увидели зарезанного, плавающего в своей крови ребенка, и какого ребенка! родного брата своего царя; они услышали мать – вдову наиболее чтимого в народе из государей – она призывала ко мщению! И в самом деле, разве нельзя их было извинить? ведь, нанося удары, они желали со своей стороны проявить верность и преданность подданных. Неужели в стране самодержавия, в стране, твердо установившейся искони преданности единодержавию и непомерного подобоострастия к своему государю и его окружающим, такой поступок мог быть так жестоко наказан? Не напрашивается ли убеждение, что это возмездие было возбуждено другими причинами, которые надо отгадать?

Еще указание. В 1606 году, полагая, что царевич скончался и был погребен в Угличе в церкви Преображения Господня, вырыли его тело. Два свидетеля – русский Тимофеев, автор

упомянутой летописи, и голландец Исаак Масса, мемуары которого оказываются одним из наиболее ценных памятников для истории той эпохи, – говорят, что ребенок в одной руке держал вышитый платок, а в другой горсть орешков. Явное дало, присутствие таких предметов в гробу может быть объяснено только заботами хоронивших: предать тело вечному покою в том самом виде, в каком его застигла смерть. Но тогда этот ребенок, обе руки которого были заняты, не играл в тычку! Он не поразил себя ножом и, вероятно, даже не был убит таким способом; ведь, конечно, к другим памяткам присоединили бы тогда и орудие его смерти. Присутствие в руке ребенка самих орешков исключает, кажется, возможность и покушения на жизнь и несчастного случая в такое время и при предполагаемых обстоятельствах. Царевич возвращался от обедни; где, на каком чудесном дереве он мог сорвать в мае месяц эти предательские орешки? Если предположить несчастный случай, я становлюсь в тупик перед той невероятностью, будто бы в руках ребенка, страдавшего падучей, оставили нож, – острое орудие, достаточное для причинения смертельной раны; если предположить покушение на его жизнь, невероятно время дня, избранное убийцами.

Какой же из всего этого вывод и заключение?

Я считаю допустимым лишь один исход: труп, отрытый в июне 1606 года, не был телом Дмитрия.

Официальные сообщения о событии натываются, таким образом, на целый ряд невероятностей и невозможностей, и лишь это кажется возможным при логически доказанной несогласимости легенды с историей.

IV. Легенда и история

Участие Годунова в преступном покушении на жизнь царевича и даже самое предположение о преступлении в событии 15 мая 1591 года должны быть решительно отвергнуты. Ничто не подтверждает, а все, напротив, согласно опровергает те обвинения, какие возводились на Бориса по этому поводу. Обвинения эти основаны лишь на рассказах, созданных воображением, и главный из них («Иное сказание») явно был внушен или переработан политическими противниками шурина царя Феодора; Борис жаждал любви народной, и потому он не посмел бы так сурово наказать людей, которые провинились лишь тем, что самовольно расправились с убийцами, даже – тем более! – если эти убийцы были наняты им самим.

Мамка не досмотрела за ребенком, и царевич, подверженный припадкам эпилепсии, играя с детьми, поранил себя. Рана оказалась неопасной, нож был просто игрушкой, и ребенок не мог им пронзить себе горло, тем более что он, по тогдашнему обычаю, носил на шее широкое ожерелье, вышитое жемчугом и драгоценными камнями. Только припадок эпилепсии – причина происшествия – представлял некоторую опасность, но, следуя за другими недавними припадками, он не возбуждал особенной тревоги. Прибежав на крик кормилицы, мать излила тем не менее всю свою злобу на нерадивую мамку и, не владея собой, бросилась ее бить; между тем опытная кормилица занималась раненым больным, понимая, конечно, какого ухода он требовал. Волохова заголосила под ударами полена, наносимыми сильной рукой, и сын ее Осип вступился за мать. Происходит ссора и жестокая перебранка. Этот юноша принадлежал к шайке Битяговских, с которыми у царицы были постоянные нелады, и в своем гневе она могла указать на него и Битяговских как на виновников происшествия. Причиной роковой и сугубой ошибки могло послужить и созвучие слов «бить» и «убить», их легко можно спутать, а тем более перепуганным людям. Случается, что и в наше время «побитый» слышит за «убитого». Набат привел в смятение весь город, во двор дворца сбежались спросонок люди, появился и пьяный Михаил Нагой – заклятый враг Битяговских; легко себе представить, каковы будут последствия: смятение, резня, смерть царских приставов.

Эта резня, явно вызванная царицей и одним из ее братьев, резня, несколько не оправдываемая обстоятельствами, не могла не повлечь за собой сурового возмездия. Выжидая каждого удобного случая выместить за прежние обиды, Годунов не мог, конечно, упустить столь благоприятный повод. Придя в себя после катастрофы, Нагие, несомненно, ясно представили себе, какую ответственность они навлекли на себя, и начали выискивать способы избавиться от нее. Они искали оправданий, – нашлось лишь одно: царевич, действительно, был жертвой преступного покушения на жизнь его. Известно, что Михаил Нагой упорно настаивал на этом утверждении. Вполне естественно предполагать, что оно было согласно с общим уговором, которому остальные члены семьи не сумели остаться верными.

Если мы примем во внимание свидетельство Флетчера о прежних покушениях на жизнь царевича, – а мы не имеем никакого основания отвергнуть его, так как оно напечатано за несколько лет до событий 1591 года, – мы поймем, как такое средство спасения само собой пришло им на ум в минуту отчаяния. Впрочем, царице Марии, заранее настроенной ждать беды, могло показаться, что и в этом несчастном случае было не без злого умысла, тогда как для меня лично обстоятельства этого несчастья все еще остаются весьма загадочными.

С другой стороны – и мы можем это предположить, – мысль спасти это дорогое существо от все новых и новых опасностей, укрыть его в верное и потаенное убежище, уже приходила на ум тем, кто охранял его. Происшествия 16 мая 1591 года окончательно побудили и ускорили исполнение этого замысла; таким образом, естественно объясняется и бегство Афанасия Нагого и таинственное появление его в Ярославле, вероятно, вместе с лицом, которому нужна была медицинская помощь.

Раненый, но оставшийся в живых ребенок был увезен из Углича и доверен своему дяде, который, будучи в Ярославле, старался найти ему врачебную помощь и убежище. А той порой в Угличе остальные Нагие разгласили о смерти царевича, но согласились дать уговорить себя, что он пал жертвой несчастного случая. Только Михаил, верный прежнему уговору, один против всех и всего отстаивал рассказ об убиении царевича.

Такое предположено – это, конечно, не более как гипотеза – объясняет с одинаковым удобством непостижимую иначе судьбу злополучного города Углича и его несчастных обывателей. Показания Михаила Нагого и придуманная им печальная обстановка не могли доказать, что царевич был убит, – значит, убийц Битяговского с товарищами следовало наказать, а что важнее всего, надо было это происшествие покрыть непроницаемой завесой и для этого устранить возможно большее число свидетелей. Эта последняя предосторожность оказывалась прямо необходимой, потому именно, что, ведь, считаемый за мертвого царевич остался в живых. Раз он исчез из Углича, он и должен был считаться мертвым! Пока он был на глазах и под надзором, он ни в ком не возбуждал тревоги; но когда его нет, когда он ускользает от всякого надзора, он становится опасным, если его будут считать живым. Для своей безопасности и для безопасности царевича Нагие пожелали, чтобы Дмитрия считали мертвым, – их поймали на слове. Доказать убийство они не могли, и этим навлекли на себя ответственность за резню, которую несчастный случай оправдать не мог. В то же время, чтобы обеспечить выдумку Нагих против всяких разоблачений, политика Бориса прибегла к соответствующим понятиям того времени мерам: она привлекла к ответственности даже бедный колокол, который зазвонил некстати.

Мне не надо, конечно, настаивать, насколько важно решение этой задачи. Если, как это вероятно, царевич Дмитрий не умер в 1591 году, то есть также немало вероятности предполагать, что человек, который тринадцать лет спустя носил то же самое имя и предъявлял притязания на московский престол, не был обманщиком. Вопросы о подлинности этого знаменитого искателя престола я пока не стану решать. Исследование его я отлагаю до другой главы этого сочинения, а здесь я намечаю этим только дальнейший путь. Смерть маленького Дмитрия в Угличе научно не доказана. Достоверность этого события не опирается ни на одно имеющее

силу доказательство, и признание его истинным наталкивается на весьма многие и весьма важные затруднения. Я позволю себе еще прибавить, что, хотя историческая критика в России, по соображениям не строго-научного характера, все еще далека от признания этого предварительного сведения, а все же в последнее время заметно приблизилась к нему. И, может быть, решительный шаг был бы уже сделан, если бы книга графа Шереметева – труд долгих лет – вышла в свет. Но вряд ли можно надеяться, что она будет издана в близком будущем, и что мы познакомимся доподлинно с теми документами и новыми обстоятельствами, на которых основано убеждение автора, находившегося в наиболее благоприятных условиях для того, чтобы черпать прямо из источников, даже таких, которые недоступны большинству ученых. Тем не менее убеждение его не подлежит сомнению, потому что оно выяснилось нам в переписке графа с известным историком Бестужевым-Рюминым, которую миновали строгости цензуры.⁴² Хотя нельзя еще в России утверждать, что царевич Дмитрий пережил день 15 мая 1591 года, но читателям, умеющим читать между строк, уже позволено дать понять это. Правда, некоторые из предположений, намечаемых этой перепиской, оказываются чересчур смелыми: такова, например, роль, которую будто бы играли в угличской драме Романовы, или предполагаемый уговор между царицей Марией и Волоховой, с которой царица столь сурово обошлась. Другие же построены на вещественных ошибках, как свидетельство, приписываемое Льву Сапеге, а в действительности принадлежащее его двоюродному брату Андрею – свидетелю без всякого авторитета.⁴³ В общем, однако, обмен мнений между двумя учеными весьма поучителен: он выдвигает хотя не убедительные доказательства, но все-таки ряд возможностей.

Но почему не дозволено говорить о том, на что можно таким образом намекать?

В 1823 году Карамзин сообщил по тайности своему товарищу по истории М. П. Погодину только что сделанное им открытие, которым он надеялся вскоре, в десятом томе печатавшейся тогда Истории Государства Российского, порадовать своих читателей. Открыто это должно было разрушить установившиеся понятия об убиении царевича Дмитрия по приказанию Годунова. Дело заключалось не в том только, чтобы восстановить доброе имя этого правителя. Над этой задачей Карамзин поработал уже в одном из своих прежних трудов.⁴⁴ На этот раз знаменитый историк нашел кое-что получше. Каково же было изумление Погодина, когда, открыв этот том, содержание которого ему так было сообщено, он прочел там... рассказ об убиении царевича по приказанию Годунова! Между рукописью, уже приготовленной к печати, и печатным станком вступило официальное вмешательство и, хотя оно и не изменило личных убеждений историка, по крайней мере заставило переиначить изложение дела.⁴⁵

В 1830 году выступил в свою очередь и Арцыбышев; в «Вестнике Европы»⁴⁶ он напечатал статью, в которой, хотя и не утверждал, что Дмитрий пережил 15 мая 1591 года, по крайней мере защищал Годунова против обвинения в убийстве. Статья эта прошла. Но историк задумал передать смысл ее и в своем «Повествовании о России»; труд остался неизданным до смерти автора, и, когда в 1841 году Общество Истории и Древностей занялось его изданием, глава, касающаяся угличского события, была переделана под редакцией одного историка, правда, пользующегося известностью. Это был Устрялов, а между тем раньше он и сам пришел к убеждению если не в непричастности Годунова, то, во всяком случае, в отсутствии доказательств, устанавливающих его виновность.⁴⁷

⁴² Бестужев-Рюмин. Переписка о Смутном времени. С.-Петербург, 1898.

⁴³ Заблуждение это следует приписать опечатке в сборнике, откуда взята справка (Archivum Domus Sapiehae, I, 177).

⁴⁴ Сочинения. Москва, 1825. IX, 235 (Воспоминания о поездке в Троице-Сергиеву Лавру).

⁴⁵ См. Павлов. Правда о Лжедмитрии. «Русский Архив», 1886, № 3.

⁴⁶ Перепечатана вновь в «Русском Архиве», 1886 г., № 3.

⁴⁷ Устрялов. Сказания современников о Димитрии Самозванце, II, 280. См. статью Иконникова в «Русском Архиве», 1886, XII, 523.

Но почему и в наше время с официальной точки зрения считается необходимым, чтобы царевич Дмитрий был убит в 1591 году? Потому что в 1606 году сочли необходимым, чтобы юный царевич, в качестве мученика, был причтен к лику святых. Я вполне искренно верю, что каноны всех церквей принуждены сводить с историей свои счеты, которые бывает еще гораздо труднее уладить. Причисление к лику святых всегда подвергалось пересмотру; примеры отмены чествования святых, столь частые в летописях римско-католической церкви со времени знаменитого «упразднителя святых» Жана де Лонуа, встречаются и в истории православной церкви, и даже по отношению к святым, принадлежащим к царствующим домам. Так, в 1745 году было упразднено почитание князя Владимира Ржевского и супруги его княгини Агриппины, установленное церковью в конце семнадцатого века.⁴⁸

В исследуемом случае нет даже и надобности прибегать к такой крайности. Кто был причислен к лику святых в июне 1606 года? Этой почести удостоили младенца, тело которого было найдено в церковном склепе в Угличе с вышитым платком в одной руке и с горстью орешков в другой; останки его, перенесенные в одну из московских церквей, творили чудеса. Именно на эти чудеса, когда подлинность их подтвердилась, указывали как на основную и существенную причину причисления к лику святых. История, не признавая таких уклонений от законов природы, все же может считать их удостоверенными в такой области, которая не подлежит ее ведению, и таким образом устраняются все трудности. Как звали причтенного к святым младенца, к какому роду он принадлежал, это не особенно важно. Его мощи исцеляли больных, и вот это надлежащим образом удостоверенное деяние послужило основанием для канонического постановления компетентных церковных властей; вот почему день празднования святого может остаться в святцах, и нет никакой необходимости, чтобы этот причтенный к лику святых чудотворец отождествлялся с тем царственным младенцем, который 15 мая 1591 года, играя в тычку, поранил себя в припадке эпилепсии.

Скажут, что это отождествление было провозглашено самим актом канонизации. Церковные власти в этом отношении действовали только по внушению манифеста, который был в то самое время обнародован царем Василием Ивановичем Шуйским и приписывал смерть царевича Дмитрия убийству, совершенному по приказанию Годунова. А ведь пятнадцать лет перед этим тот же самый Шуйский, в качестве комиссара – следователя – предоставил все обаяние своего имени и своего полномочия в защиту иного рассказа, в котором смерть эта приписывалась «несчастному случаю», так что не только устранялась мысль о «мученичестве», но и исключалось всякое предположение о возможности причисления жертвы к лику святых. И в самом деле, по воззрениям того времени, страдавший «черной немочью» считался бесноватым, а по всем предположениям, припадки падучей у сына Ивана IV и Марии Нагой оказываются почти достоверными; а из этого вытекает, что церкви прямо-таки полезно склониться к тому решению, какое я предлагаю; ведь вследствие него устраняется соблазнительное противоречие, несовместимое с установленным чествованием. Во всех церковных уставах числятся тысячи безымянных святых. Признали бы еще одного, и историки спокойно могли бы беседовать промеж собой об истории.

До жития лица, причтенного к лику святых в июне 1606 года, истории нет дела; но царевич Дмитрий принадлежит ей, и его мнимое «мученичество» бесспорно вымышлено и создано легендами. По самой природе своей, легенды в своих очертаниях лишены определенности и точности. Будучи отражением пережитой действительности в народном воображении, они всегда передают и колебания этого зыбкого зеркала. Они изменяются и разлагаются до бесконечности. Джон Мерик, соотечественник Горсея, как и тот бывший агентом торговой английской компании, проживая в то время в Московии, записал рассказ, по которому Дмитрий был убит наемниками Бориса темной ночью, и убийцы в то же время подожгли город со всех четырех

⁴⁸ Голубинский. Истории канонизации святых в русской церкви, стр. 198.

концов.⁴⁹ П. В. Шейн в народных песнях саратовской губернии в 1872 году встретил и другую легенду; она нам рассказывает, будто бы Дмитрий был убит одним из своих сотоварищей по игре, и убийца был не кто иной, как тот самый Гришка Отрепьев, с которым после отождествляли несчастного царевича.⁵⁰

Сами официальные документы, современные правлению Годунова и царствование Василия Шуйского, в значительной мере лишь переиначивали на свой лад разные виды одного непрерывного заблуждения. И это общее заблуждение прошло через столетия. В 1726 году один монах в Тобольской области был наказан кнутом за то, что напрасно попрекнул одного из своих собратьев, прозываемого Качановым, будто бы тот был Качалов и происходил от потомства одного из убийц царевича Дмитрия.⁵¹

А между тем в Угличе, в дом, где жили некогда Мария Нагая и ее сын, недавно устроили музей.⁵² Надо надеяться, что в стенах этого блюстителя истории, несмотря на существование раки в соборе Михаила Архангела, истина получит наконец то место, которого она достойна.⁵³ И отныне стало уже возможно выделить некоторые из ее основных положений, как достоверные. Годунов не был причастен смерти царевича, но басню, которая выдавала царевича за мертвого, распространил он; и вот, содействуя распространению этой лжи, которая помогала его политическим замыслам, он возбудил новые измышления, которые обратятся уже против нее самой.

Проследим же развитие этого злого рока.

⁴⁹ Histoire des revolutions de Moscovie, франц. издание, стр. 176.

⁵⁰ «Русская Старина», 1874, I, 200.

⁵¹ «Русская Старина», 1883, XXXIX, 430 (статья Н. И. Барсова).

⁵² «Художествен. Новости», 1889, № 16; «Сын Отечества», 1889; «Киевлянин», 1889, № 149.

⁵³ Кроме указанных источников, смотрите для этой I главы: М. Погодин, Исторические и критические отрывки, издан. 1846 г., I, 364; Белов, статья в Журн. Мин. Нар. Пр. июль – август 1873; Карамзин. История Государства Российского, X, гл. II и XII, стр. 1, прим. 2; стр. 32, прим. 97; Голубовский. Вопрос о смерти царевича Димитрия, «Исторический Вестник», 1896, декабрь; Соловьев. История России, VII, 444 и след.; Краевский, статья в энцикл. словаре, Петербург, 1836, т. VI; критика этой статьи в XIV т. того же словаря; Костомаров. Исторические монографии и исследования, XIII, 330; его же полемика с Павловым в «Русском Архиве», 1886, VIII, 593 и след., и с Беловым, «Вестник Европы», 1873, IX, 174; С. Аксаков, статья о VII томе Истории России Соловьева, «Русская Беседа», 1858, II, 24; Б—ский, статья в «Историческом Вестнике», 1891, XLIV.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новая династия

І. Кончина Феодора

Семь лет спустя наивный либо лукавый летописец⁵⁴ изображает нам, как умирает сын Грозного, и какое представлено дает он на смертном одре своим приближенным. Кроме кровавой тени, восставшей на его горизонте вследствие мрачного происшествия, которое я только что описал, царствование Феодора Ивановича продолжало быть мирным и благополучным – не было ни войн, ни новых несчастий. А между тем, все возрастающее беспокойство овладевало страной. Слабое с детства здоровье государя все ухудшалось. Всегда улыбаясь, но все более и более чуждаясь забот и обязанностей своего сана и положения, он был, казалось, уже одной ногой в другом мире, где, должно быть, надеялся вечно благовестить. А в то же время стало ясно, что он не оставит природного наследника. В 1592 году у него родилась дочь, но этот столь долгожданный ребенок спустя несколько месяцев умер. Ирина не дала ему другого, и теперь все было кончено – государь умирал в свою очередь. Он медленно угасал, и вместе с ним прекращался дивный и могучий род, который в течение почти восьми столетий давал России государей. Кто получит его наследство? Кто возьмет на себя бремя продолжать его дело?

На своем смертном одре Феодор не беспокоил себя столь тяжелой заботой. Забавляясь скипетром, он только спрашивал себя, в чьи руки передаст он этот жезл, который в его руках был не более, как игрушка. Склонившись к его изголовью, Ирина шептала ему на ухо имя Бориса. Но благочестивый монарх качал головой и оставался в нерешимости. Как ни близок был к престолу теперь Борис, но ввиду многочисленной материнской родни, которая за неимением более близких единокровных родственников составляла семью государя, он был не более, как временщик и чужак. Он сам в этот час скромно прятался за племянниками царицы Анастасии, окружавшими ложе умирающего.

Не имея более силы превозмочь нерешительность и сомнение и чувствуя приближение конца, царь вручил скипетр старшему из своих двоюродных братьев, Феодору Никитичу Романову. Феодор Никитич выразил глубокую благодарность, но в свою очередь скромно отклонил высокую честь и передал скипетр своему младшему брату Александру. Минуту спустя в том же положении оказался третий брат, Иван, и он слагал с себя бремя, обращаясь к четвертому, Михаилу, который также отказывался.

Видя это, царь первый раз в жизни потерял терпение и в то мгновение, когда он готовился предстать у врат рая, совершил грех, – единственный грех, который известен.

«Пусть возьмет его, кто хочет», крикнул он гневно.

Тогда, разрывая семейный круг, приблизился один человек и мощной рукой схватил пренебрегаемую эмблему.

Это был Борис Годунов.

Сказка красива, но, на беду, это – только сказка. Феодор скончался 7-го января 1698 года,⁵⁵ и, по-видимому, и перед самой смертью он думал не более, чем при жизни, что станет с его скипетром. По свидетельству другого летописца, государь на этот вопрос, заданный патриархом Иовом, ответил: «Во всем царстве волен Бог: как ему угодно, так и будет».⁵⁶ В

⁵⁴ Bussow (Behr). *Rerum rossicarum scriptores exteri*, I.

⁵⁵ Число это согласно поправке Мюллера, *Sammlung Russ. Gesch.* V, 65.

⁵⁶ Никоновская летопись, VIII, 3–4.

жизнеописании Феодора, составленном тем же Иовом, патриарх толкует по-своему эти слова, утверждая, что государь передал скипетр своей супруге Ирине. Но официальные документы – грамоты об избрании Бориса Годунова и Михаила Романова – не сохранили следа такого облечения властью. В них говорится только, что царь Феодор «оставил на престоле царицу Ирину»; простое признание положения дел *de facto* и *de jure*. Будучи действительно на престоле после смерти своего супруга, Ирина сохраняла это право вплоть до той поры, пока вопрос со свободным престолом не будет решен как-нибудь иначе. Царица была назначена занимать его временно, и, надеясь таким путем отдалить грозный срок – торопились принести ей присягу. Ирина была еще молода, она могла царствовать долго, а там будет видно.

Но Ирина, – потому ли, что она была связана обязательствами со своим братом, или ее побудили личные соображения – отказалась подчиниться этому решению, которое страдало тем недостатком, что ничего не разрушало. Таким образом созданное временное положение не могло заменить династию. Вдовствующая царица умерла для мира. На девятый день после смерти своего супруга она удалилась в Новодевичий монастырь и приняла иночество под именем Александры.

И вот страна, где воля властелина была все, осталась без хозяина. Однако тут все же было правительство. Инстинкт самосохранения заставил, должно быть, членов Думы последовать примеру Польши, где на время столь частых, к несчастью, междоусобиц обязанности верховной власти исполнял архиепископ – примас королевства. И здесь патриарх был призван к исполнению той же обязанности. Но мысль, что власть непременно должна исходить от трона, так крепко укоренилась в умах, что Иов не считал возможным исполнять свои полномочия иначе, как от имени добровольно постригшейся царицы Ирины. Уже будучи монахиней, она все еще сохраняла обаяние, потому что служила еще источником и необходимым органом всей власти.

Если верить грамоте об избрании Бориса, Дума попыталась было вмешаться своей собственной властью. Дьяк Василий Щелкалов, выйдя из дворца, чтобы говорить с собравшимся перед Кремлем народом, добивался присяги «Совету из князей и бояр». Но его тотчас же прервал негодующий крик:

– Мы не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу. Да здравствует Ирина Феодоровна!

– Но царица постриглась...

– Да здравствует Борис Феодорович!

Эта манифестация подготовила будто бы избрание Бориса. Патриарх с духовенством, боярами и множеством народа отправился в Новодевичий монастырь просить Ирину благословить своего брата на царство. Ирина не желала лучшего, но Борис наотрез отказал. Он даже не хотел и думать об этом. Такое важное дело должно было решить народное собрание из всех сословий государства. Борис требовал созыва Земского Собора.⁵⁷

Пришлось покориться этому требованию, а в ожидании собора Ирина покорно согласилась, хотя бы лишь по видимости, носить царский венец на своем клобуке.

По взглядам того времени, для вступления на престол избрание «всею землею» не было необходимым, и Борис, провозглашенный царем только московским народом, мог бы венчаться на царство. Чтобы объяснить его поведение, предполагали, что бояре хотели вручить ему власть только на некоторых условиях. В неизданных бумагах Татищева сохранилось одно свидетельство в этом духе.⁵⁸ И вот Борис нашел уместным обратиться к великому народному собранию против замыслов Боярской Думы.⁵⁹ Но, без сомнения, и само это собрание не вну-

⁵⁷ Акты археографической комиссии, II, № 7; Wichmann, Sammlung, Стр. 451.

⁵⁸ Соловьев. История России, т. VIII, стр. 464, примеч. 12.

⁵⁹ Чичерин. О народном представительстве, стр. 541.

шало ему полного доверия: ведь в то время, пока собирали «представителей всех городов», Ирина тайно призывала к себе начальников стрельцов и расточала им обещания и деньги. Борис, со своей стороны, обращаясь к монахам и нищим, к своим многочисленным искателям милостей, обычно пользовавшимся его щедротами, работал над созданием для себя вполне независимого положения.⁶⁰

II. Избрание

Собор открылся 17 февраля 1598 года. Плохо осведомленные критики оспаривали законность его решений. Бесспорно, это собрание не соответствовало тому понятию о народном представительстве, какое мы имеем теперь. В сохранившихся документах, которые, несомненно, дают сведения, относящиеся к разным временам, число участников колеблется между 457 и 502; причем, вследствие необычайно затянувшейся сессии, число наличных членов собора беспрестанно изменялось. Подсчет по спискам дал такой свод: 83 представителя от духовенства, из которых 23 принадлежали к черному духовенству; 338 принадлежат к сословию служилых людей; 21 – к разряду торговых людей и, наконец, несколько представителей от городских управлений – старосты и сотники.⁶¹

Словом, этот собор, как и соборы 1550 и 1566 года, был, в сущности, собранием лиц, состоявших на государственной службе.⁶² И с другой стороны, хотя некоторые историки и усиленно стремились восстановить выборный механизм, примененный на этот раз, материал для этого воссоздания они заимствовали целиком из своей фантазии. На самом деле мы ровно ничего не знаем о том, были ли депутаты, призывавшиеся к участию в московских соборах шестнадцатого и семнадцатого века, выборными в точном смысле этого слова. Было бы крайне трудно сказать, кем они были выбраны; наиболее вероятным представляется, что они получали свои полномочия от центральной власти или от ее местных представителей. Впрочем, приверженцам русского парламентаризма нечего краснеть за эти прежние примеры и падать духом. Даже в Англии народное представительство прошло через ряд подобных воплощений, пока принцип современной его организации выяснился с идейной и формальной стороны путем медленного изнашивания первичных зачатков.

Собор 1598 года – не более как зачаток, который нашему предубежденному взору кажется подобием карикатуры. Председатель-патриарх странно исполнял свои обязанности: предложив собранию вопрос об избрании нового царя и не выждав ответа, патриарх тотчас же объявил, что сам он и согласно с ним митрополиты, архиепископы, все духовенство, бояре, дворяне, служилые люди, купцы и, наконец, все православные христиане желают Бориса Феодоровича.⁶³

Что же могло поделать собрание, когда его таким образом спрашивали? Оно провозгласило царем Бориса, и этим голосование было закончено.

Но бывший правитель не торопился им воспользоваться. Вступить на опустевшийся московский престол было легко. Последующие события более чем достаточно доказали это. Удержаться на нем было трудно. Мы уже видели, было подозрение насчет замысла ограничить власть избранного государя; мысль эта вскоре сама собой придет на ум некоторым из избирателей; может быть, она уже пробивалась наружу. И какое чувство должны были возбуждать

⁶⁰ Хронограф Румянцевского музея, № 457, и другие источники.

⁶¹ Ключевский. Состав Земских соборов, «Русская Мысль», 1890; Соловьев. История России, VIII, 5; Павлов, статья в «Отечественных Записках», 1859, I; Беляев, Московские Унив. Известия, 1867, стр. 21; Загоскин. История русского общественного права. I, 228; Латкин. Земские Соборы. Стр. 93.

⁶² См. Waliszewski, K. Ivan le Terrible, стр. 182.

⁶³ Акты археографической комиссии, II, № 7, стр. 16.

народные приветствия в душах тех из них, которые, по родовитости своей, скорей могли считать себя назначенными принять наследство Феодора и Рюрика! Андрей Сапега, занимавший на польско-московской границе в Орше сторожевой пост, заранее наметил трех кандидатов, которые могли бы нанести поражение Борису: князя Ф. И. Мстиславского, Ф. Н. Романова и Б. Бельского.⁶⁴ Это сведение подтверждается и другими источниками, которые присоединяют еще и нескольких Шуйских к этим соперникам. Среди них одно имя должно было особенно привлекать внимание Годунова и внушать ему беспокойство. Романовы были более любимы народом, чем он. Племянники Анастасии все занимали высокое положение, и уже слагалась легенда, будто покойный царь завещал свой престол одному из них – Феодору Никитичу. Андрей Сапега был заранее предуведомлен об этом; в то же время он уловил еще и другой слух: рассказывали, будто бы Борис, предусматривая возможность поражения, воспитал одного юношу, поразительно похожего на угличского царевича Дмитрия, и собирался выставить его кандидатуру в том случае, если его собственная не найдет поддержки.

Действительно, в то время существование этого двойника было, кажется, очень распространенной верой. Да сам ли Борис хранил его в запас? В очень неясном повествовании Андрей Сапега сообщает нам про ссору, которая возникла по этому поводу между Годуновым и Феодором Романовым, причем последний разгорячился до того, что далее ударил бывшего правителя. И вот, перед тем как явиться во всем своем блеске, будущий искатель престола, который вскоре станет Лжедмитрием, некоторое время будто бы укрывался среди челяди Романовых, – и может быть, и они также помышляли припасти себе такую помощь против соперника, который легко мог стать врагом.

Но во всех гаданиях из этих указаний вполне достоверно вытекает, что в угличской драме занавес еще не опустился окончательно, что угрожающей призраком жертвы подымался уже на горизонта.

Годунов, по-видимому, весьма удачно действовал среди этих трудных обстоятельств; правда, он употреблял довольно грубые приемы, но, без сомнения, они вполне согласовались с духом и нравами его будущих подданных. Романовы были еще молодой народ; отец их, будучи при смерти, вручил их будущее всемогущему любимцу царя; они пользовались милостями под его покровительством и по своему происхождению и служебному поприщу вместе со всеми своими родными и друзьями принадлежали, понятно, к группе, представителем которой служил бывший правитель. Борис продолжал им льстить и, надо думать, с успехом противопоставлял их возникающее властолюбие властолюбию других кандидатов. С другой стороны, он продолжал свою тактику, лишь бы выгадать время. Патриарх еще раз сопровождал в Новодевичий монастырь, куда удалился со своей сестрой шурин Феодора, новую, более многочисленную депутацию, которая «слезно» умоляла Бориса принять бразды правления, – но Борис остался непреклонен. Прежде всего, исконные приличия требовали, чтобы он вел себя именно так. В те времена на званых пиршествах благовоспитанные гости сначала всегда отказывались от самых отменных блюд, коими их потчевали, и степень чванливости во всех подобных случаях, по заведенному обычаю, должна была соответствовать значительности предлагаемого. Даже кошевые атаманы запорожских казаков и те более или менее продолжительное время заставляли просить себя принять эту должность. Вместе с тем Борис выигрывал этим драгоценное время, пользуясь которым, он сообщал с Ириной продолжал свою пропаганду.

Расчет его оказался верен. Попытку убедить Бориса патриарх сделал 20-го февраля 1598 года; на следующий день, по окончании богослужения, совершенного во всех церквях столицы по случаю праздника Божией Матери, от Успенского собора с патриархом Иовом во главе двинулось необычайное шествие и направилось к местопребыванию упорствующего Бориса. За духовенством и иконами, молясь в песнопениях, плача, тяжело вздыхая, теснилась густая толпа,

⁶⁴ Archivum Domus Sapiehanae, I, 176, 180.

среди которой особенно выделялись заплаканные женщины с грудными младенцами. Патриарх перед тем объявил, что в случае нового отказа Бориса он отлучит его от церкви, прекратит богослужение во всех церквях государства, и в то же время он сам и все епископы сложат с себя сан и облакуются в рясы простых монахов. Подобное бедствие никогда еще не постигало древнюю Московию, и надо было употребить все меры, чтобы предотвратить его. Поэтому среди других чтимых икон в этом крестном ходе несли и высокочтимую икону Владимирской Божьей Матери; по преданию, она была написана евангелистом Лукой и, привезенная из Константинополя в Киев, в 1154 году была перенесена из этого города во Владимир и затем в Москву.

Но Борис и тут сперва не смутился. Он вышел встретить шествие со столь же почитаемой иконой Смоленской Божьей Матери и с такими дерзновенными словами обратился к принесенному образу Владимирской Божьей Матери:

«О милосердная владычица, зачем такой подвиг сотворила, чудотворный свой образ воздвигла?»

Борис паль ниц перед этою иконою и, орошая землю своими слезами, продолжал свои возгласы... Потом обратился к патриарху: зачем он преследует его?

«Не я, – ответил патриарх Иов, – пришел указать тебе твой долг, а Пречистая Богородица со своим Предвечным Младенцем. Покорись!»

Борис все еще оставался непоколебимым. Крестный ход вступил уже в церковь, а Борис еще не уступил; после богослужения решили обратиться к Ирине. Когда патриарх, бояре и члены Думы, проникнув в келью бывшей царицы, возобновили свою неотступную просьбу, толпа перед окнами столь же убедительно выражала свою просьбу. Если верить иностранным летописцам, – почти все они недоброжелатели Бориса, – манифестанты действовали, подчиняясь разным побуждениям, но в них не было ничего добровольного. Одни из них пришли сюда потому, что им дали денег; другие потому, что им угрожали плетью; сообразно с этим они и вели себя. Один русский летописец указывает нам пособников Бориса, которые из кельи управляли этим хорошо дисциплинированным хором и условными знаками поддерживали манифестацию.⁶⁵ Но этот рассказ сомнителен: ведь тот же самый повествователь указывает среди присутствующих соперников бывшего правителя, которые, конечно, обличили бы все эти хитрости. Между тем даже и Тимофеев, весьма враждебный к Годунову, не упоминает об этом.⁶⁶ Правда, в полном согласии с иностранцами, он указывает на присутствие нескольких детей, выставленных как бы напоказ и подстрекаемых к пронзительным крикам, – по свидетельству Пеера Пирсона, их были тысячи. Другие свидетели насчитывали их меньше, а Тимофеев доподлинно слышал всего одного, но он кричал так пронзительно, что покрывал своим криком голос всего народа. Наконец, один отрывок летописи, также русского происхождения, говорит, что манифестанты, мужчины и женщины, повинувшись грозным внушениям, мочили себе глаза слюной и, бросаясь на землю, иступленно вопили: «Да здравствует царь Борис!»⁶⁷

Желаемая цель была достигнута: Ирина в конце концов объявила, что «она уступает своего брата народу, который требует его». Борис вздыхал, плакал, еще противился, но и он позволил себя упротить.⁶⁸

Из всех многочисленных причин, побуждавших нового царя прибегнуть к такой длинной комедии, одна оставила свой след даже в покрестной записи, в той присяге, которую должны были давать при его восшествии на престол: в обещании не покушаться ни зельем, ни заговором на жизнь царя, на жизнь его жены и его детей; не желать в цари Симеона Бекбулатовича,

⁶⁵ Иное сказание. Рус. Истор. Библ., XIII, 15.

⁶⁶ Там же, XIII, 325 и след.

⁶⁷ Новгородская летопись, стр. 454.

⁶⁸ Кроме указанных уже источников, см. для истор. этого избрания: Загоскин. История русского общественного права. I, 227 и след.; Павлов. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. Стр. 3—36; его же, О некоторых Земских Соборах, «Отечественные Записки», 1859 г., I, 166; Беляев. Земские Соборы в России. 1867. Стр. 21.

или кого другого, и доносить о тех, кто лелеет подобные замыслы. Ни один из предшествующих документов этого рода не содержит такое количество совсем необычных статей. Но Борис и с такими клятвами не торопился вступать на престол. Великий пост и Святую он провел со своей сестрой в монастыре и только 30 апреля торжественно въехал в Кремль.

А потом неожиданная тревога заставила его отложить венчание на царство: опять давал о себе знать Казы-Гирей со своими татарами. В июне месяце была поспешно собрана огромная армия, – несколько преувеличенно в ней насчитывают до 500 000 человек; и преемник Феодора двинулся вместе с нею в Серпухов. Однако можно было думать, что Борис не столько готовился к энергичному отпору, сколько старался привлечь к себе новых приверженцев, потому что весь царский двор сопутствовал ему; в стане Борис устраивал богатые пиршества, на которых присутствовало до 70 000 гостей. Быть может, он имел более верное мнение о том, откуда опасность грозила его отечеству. И действительно, вопреки всем слухам, хан не трогался с места; он отправил только своих послов; и, как говорят нам официальные донесения, Борис сумел придать грозный вид своим огромным военным силам и так этим поразил послов ханских, что, представ пред ним, от страха они смутились и не могли даже произнести ни слова. С богатыми подарками и ласковыми словами Борис отправил их обратно и победителем вернулся в Москву.

Однако он не был спокоен; ему думалось, что не все еще предосторожности он принял перед тем грозным порогом, который он только что перешагнул. 1 августа, созвав бояр, приказных, служилых людей и купцов, патриарх Иов заставил их подписать новую грамоту и еще раз подтвердить свою преданность новому царю и его семье. В то же время было обнародовано соборное определение об избрании нового царя; нас поражает в нем одно утверждение: исполняя волю Ивана IV и в знак благодарности за все оказанные шурином услуги, Феодор оставил престол Борису. Впрочем, патриарх нашел уместным оправдать такое избрание царя примерами из Священного Писания и истории, – он ссылаясь на царя Давида и Феодосия Великого. Еще лучшим примером ему мог бы послужить Атаульф, зять Алариха, но, может быть, патриарх никогда не слышал об этом короле вестготов.

Венчание на царство совершено было 1 сентября 1598 года; в речи, произнесенной при этом, Борис объявил, что Феодор велел своему народу избрать царем, кого он пожелает. Борис одинаково противоречил и собору и патриарху, но Иов не смутился и, отвечая царю, привел новое подтверждение, которое, в свою очередь, ослабляло два другие; он утверждал, что Феодор оставил трон Ирине. Вов эти три противоречивые повествования были внесены рядышком в официальные акты;⁶⁹ и любопытный факт, бросающий свет на душевный склад того времени: такое соединение, по-видимому, не поражало современников. Вероятно, этим разнообразием пытались удовлетворить раз личные чувства, и, переходя от одного впечатления к другому, медленно работающий ум не мог тотчас же заметить сопоставления, которое побудило бы его к критике. Критика предъявит свои права впоследствии. Во время венчания на царство Борис особенно привлек всеобщее внимание утверждением, что в его царствование во всем государстве не останется ни одного бедняка, – и своим обычным жестом он подчеркнул это обещание.

Бывшему правителю было тогда сорок семь лет; и едва ему перевалило за пятьдесят, все сокровища, которыми он обладал, оказались недостаточными не только для того, чтобы перестали встречаться бедняки, с которыми он так великодушно обещался делить все, «вплоть до ворота своей рубахи», но даже для того, чтобы иные из них тысячами не умирали на его глазах от голода.

⁶⁹ Акты археографической комиссии, II, № 6 и 8; Акты исторические. Дополнение I, № 146; ср. Соловьев. История России, VIII, 16–17.

III. Царствование

Первое время Борис считал своим долгом исполнять данное обещание. Новое правление открывалось необычайными щедротами: служилым людям было выдано двойное жалование; купцам на двухлетний срок даровано право беспошлинной торговли; землевладельцы освобождены на год от податей; вдовам и сиротам, русским и чужеземным, розданы деньги и съестные припасы; даже противникам жаловали должности, чины и звания. Поистине новый царь делил! Впрочем, при всем своем варварстве, он и в самом деле не был чужд великодушных побуждений, – так же, как, будучи сам безграмотен, он понимал значение образования. Вступив на престол, Борис отворил двери темниц и освободил даже и одного из Нагих, Ивана Григорьевича. Лучше Грозного, не так часто допуская нарушения, он всегда отстаивал в пользу иностранцев веротерпимость и относительную свободу. В его глазах, эти люди – с которыми еще недавно обращались как с отверженными – представляли элемент высшей культуры, и вполне искренно он желал, чтобы его родина усвоила себе этот элемент. У него зародилась мысль, если даже не план, создать здесь целую научную организацию, учредить школы и университеты. И в то время, когда поселившиеся в Москве немцы получили разрешение свободно совершать свое богослужение, двое из них отправились приглашать ученых – Иоганн Крамер в Гамбург, а Рейнгольд Бекман в Любек. Еще будучи правителем, Борис пытался привлечь в Россию старого математика и астролога англичанина Джона Ди, предлагая ему 2 000 фунтов стерлингов ежегодного содержания.⁷⁰

Ди отказался; когда же Борис стал царем, его проекты натолкнулись на непреодолимое противодействие духовенства. И он должен был удовольствоваться тем, что к своему сыну Феодору и дочери Ксения пригласил иностранных учителей и в то же время отправил нескольких русских юношей в западные школы. К несчастью, и с этой стороны его ожидала неудача. По окончании своего образования эти русские юноши должны были вернуться в свое отечество и принести ему приобретенные сокровища науки. Но в расчете ошиблись! Шесть человек отправились во Францию; удержала ли их там несокрушимыми узами Сорбонна, или они нашли на берегах Сены другие непреодолимые приманки, но от них не было получено никаких известий. Из пяти студентов, посланных в Любек, двое убежали от своих учителей и бесследно исчезли; что же касается их товарищей, то члены магистрата этого Ганзейского города, жалуясь на их непослушание и леность, настоятельно просили водворить их опять на родине. В 1602 году четырех учеников доверили английскому торговому агенту Джону Мерику, который привез уже в Москву француза Жана Паркэ, юношу восемнадцати лет, и британского подданного пятнадцатилетнего Вильяма Коллера. Эти последние, действительно, совершили чудо: они изучили русский язык и, вернувшись в свое отечество, оказывали важные услуги. А попытка, сделанная в Англии с русскими подданными, дала, к сожалению, совсем другие результаты. Сначала, до 1613 года, среди разразившейся на их родине сумятицы про них позабыли; когда же собрались их вызвать, один из них, Никифор Григорьев, имел неотразимый повод не возвращаться: он принял протестантство и исполнял обязанности пастора! Что случилось с остальными, так и не удалось узнать. Этих «стипендиатов», на которых возлагалось столько надежд, было восемнадцать человек. В Москву вернулся, кажется, только один. Но и этого нельзя сказать с уверенностью.⁷¹

⁷⁰ Карамзин. История Государства Российского. XI, прим. 125; Hakluyt. Collection of early voyages, I, 573; Акты исторические, II, № 34; Собрание государственных грамот и договоров, II, 71–73.

⁷¹ Арсеньев. Первые русские студенты за границей, «Исторический Вестник», 1881 г., V, 544 и след.; Александренко, статья в Журнале Министер. Народ. Просв., 1889 г., декабрь, стр. 274. Сравни. Карамзин. История Государства Российского, XI, прим. 126; Пекарский, статьи в Записках Академии Наук XI. – Документы: Сборник Импер. рус. Историч. общ., XXXVIII, 424–430.

Однако в этом злосчастном опыте не все пропало даром для Бориса. И как бы безуспешны ни были его попытки на этом пути, он подготавливали Европу к тому впечатлению, которое через сто лет произвели деяния Петра Великого. Товий Лонций, профессор права, писал из Гамбурга новому царю, величая его «отцом отечества». Другой ученый в Кенигсберге сравнивал его с Нумой Помпилием.⁷² И в некотором отношении Борис заслуживал этих похвал: он был предтечей. Однажды знаменитый келарь Троице-Сергиевской лавры Авраамий Палицын упрекал царя за то, что он убеждает своих приближенных бояр остричь себе бороды. Ведь это начиналась уже великая реформа. Обученный иностранцами, сын государя начертил первую карту России; и вплоть до Петра Великого это была единственная напечатанная карта, исполненная по русскому почину. Но молодому Феодору Борисовичу не суждено было следовать своим склонностям и развить уже приобретенные способности, – вскоре его унесла буря. И то же несчастье постигло все дело его отца. Борис свободно разрешил проживавшим в Москве иностранцам протестантского вероисповедания построить храм, но он не мог даровать ту же милость католикам – этого не допустило бы православное духовенство; и такое различное обращение еще долгое время было в обычае в России, обнаруживая неодинаковые чувства к иностранным вероисповеданиям. К протестантскому вероисповеданию москвитянин шестнадцатого и семнадцатого столетия относился с презрением, а католичество для него было врагом. Итак, единоверцы Иоганна Крамера имели церковь, но она вскоре исчезла, – ее сожгли ратники Лжедмитрия II.⁷³

С другой стороны, Борис, будучи наследником Грозного, оказался разумным эпигоном. Считая, что в деле истребления аристократического класса, к чему стремился Иван IV, достигнуто, и пора покончить с ним, Борис старался извлечь возможно больше пользы из получившегося таким образом равенства, и, укрепляя новые основы социального здания, он пытался управлять созданием нового общества на развалинах разрушенного прошлого. Сообразно с этим планом он старался поднять города, разоренные политическими и экономическими последствиями опричнины – Курск и Воронеж, и заселить безлюдные пространства, размножившиеся вследствие этого образа правления по всему государству. Без сомнения, в этом же смысле следует толковать упомянутую выше грамоту 1601 года о восстановлении или сохранении права свободного перехода для крестьян мелких землевладельцев. Но эта мера не достигла своей цели: слишком трудно было примирить противоположность интересов в этом деле. Лица, для коих она была явно выгодна, извлекали незначительную пользу. Мелкие землевладельцы были в общем более плохими господами, чем крупные, и возможность бросить их составляла драгоценное преимущество; но еще более выгодна была бы свобода соперничества между крупными землевладельцами, потому что она повлияла бы на ценность рабочих рук и повысила бы их заработную плату. Борис, склонный покровительствовать среднему классу, и не подумал вступить на этот путь, и обиженный его законодательством высший класс отомстил ему впоследствии, обвинив его в установлении крепостного права; а крестьяне, не находя достаточной защиты, в свою очередь, в своем осуждении смешивали царя со всем классом землевладельцев.⁷⁴

Преемник Феодора был притом и дельный колонизатор. Кроме случая с Пелымом, он не подражал Грозному и его предшественникам в их диких предприятиях, когда они произвольно и насильственно переселяли с одного места на другое все население целиком. Между тем как он укреплял сначала Астрахань, потом Смоленск и опоясывал Москву новой каменной стеной, щедро дарованная свобода от податей или денежные пособия привлекали в юго-восточ-

⁷² Панегирик, изданный в 1602 г.; рус. перев. Воронова, 1773 г.

⁷³ Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в России. Ср. Пыпин. Иностранцы в Московской России, «Вестник Европы», 1888, январь, стр. 266 и след.

⁷⁴ Белов. О значении русского боярства. Журнал Мин. Нар. Пр., 1886 г., март, стр. 35 и след.

ные степи тысячи поселенцев, которые находили себе более надежную защиту в превосходно устроенной сторожевой службе на рубеже.

Борис из-за окраин не упускал, все-таки, заботиться о населении центральных частей государства; исполняя свое обещание, он успевал бороться с бедностью и нищетой. Как только он получал известие о несчастьи, пожаре, наводнении, неурожае, он торопился отправить деньги, съестные припасы, одежду и лекарства. Будучи весьма деятельным, он часто доставлял их сам, охотно переезжая с места на место и непрестанно объезжая области, где он неустанно кормил, поил, говорил речи и ласкал простой народ.

Наконец, эта вполне согласная с его характером политика, действительно, сделала из него наиболее миролюбивого по своим стремлениям и деяниям государя, какого знала когда-либо Русь. В этом отношении его задача облегчалась войной между Польшей и Швецией; начиная с 1601 года, эта война продолжалась более полувека и в конце концов должна была упрочить на севере Европы преобладающее значение России. Неприятельские действия, открытые шведами взятием Гельсингфорса и Выборга и обострившиеся еще более вследствие провозглашения в 1604 году на сейме в Норчепинге герцога Зюдерманландского Карла королем, завершились в следующем году большим сражением под Киркгольмом в окрестностях Риги, где польский гетман Ходкевич с незначительным войском, всего в 3 800 человек, разбил на голову 14 000 шведов, предводительствуемых самим королем. Это чудо совершила своим грозным натиском несравнимая польская кавалерия, которой в недалеком будущем предстояло разлить ужас в самом сердце России.

А той порой отправленный в Москву Лев Сапега, наиболее опытный из польских дипломатов, представил проект вечного мира, содержавший в себе двадцать три статьи. В сущности, дело шло о соединении обоих государств, так что предвиделось даже создание общего флота на Балтийском море! На этом поприще Борис проявил себя менее способным. Думая больше о том, как бы извлечь выгоду из распри двух наций, он прибегал к слишком явному вымогательству; так, полякам он говорил, будто Карл Зюдерманландский «покоряется царю и уступает ему Эстляндию», а шведам – будто Сигизмунд ради союза с царем передает ему Ливонию. И в то же время Сапега и Татищев обменивались записанными в протоколах разговорами в таком роде:

Татищев. – Ты лжешь!

Сапега. – Ты сам лжешь, холоп! Тебе бы говорить с конюхами, которые убирают навоз, да и там найдутся более воспитанные, чем ты!

Результаты переговоров были незначительны: несмотря на все усилия, шведы не уступили Нарву, а Сапега, подписав двадцатилетнее перемирие, но отказавшись признать титул царя, «незаконно похищенный Борисом», уехал озлобленный и хвастался тем, что порвал связь Москвы с Волошским воеводой. Но некоторые указания заставляют думать, что во время своего долгого пребывания на Москве-реке (1600–1601), кроме своих посольских обязанностей, Сапега занимался такими делами, которые открывали для будущности нового царствования более грозные опасности. В одном из его донесений, представленных польскому королю, находится обстоятельно обоснованный проект войны против Московии.⁷⁵ Сапега имел достаточно свободного времени, чтобы изучить страну и распознать непрочность создания новой династии, которая управляла ее судьбой. Вероятно, он не упустил также случая приобрести личные связи и припасти своему правительству людей, сообщавших ему полезные сведения. Впоследствии предполагали, что в его свите под чужим именем находился будущий Лжедмитрий.⁷⁶ Мнение, что последний был польской кратурой, не имеет теперь сторонников; но тем не менее в разговорах этого посла с некоторыми московскими боярами личность претендента могла

⁷⁵ Чтения в обществе истории и древностей, 1861, IV, по рукописи, хранящейся в Швейцарии.

⁷⁶ Bussow (Behr), *Rerum ross. script. ext.*, I, 30; Massa, I, 77, II, 84; сравн. Hirschberg, *Dymitr Samozwaniec*, стр. 43, и Оболенский, предисловие к книге Russell. *La légende de la vie de... Démétrius*.

упоминаться. И возможно даже, что в это время Сапега имел случай увидеть предназначенного к этому ребенка.⁷⁷

Так подготавливалось его роковое появление.

Борису не более посчастливилось с Австрией и императором Рудольфом. Тщетно старался он убедить этого государя, что польский король ведет переговоры с турками, чтобы пропустить через свои земли крымского хана, замышлявшего поход против Вены. Эти пустые уловки тем более не имели успеха, что посланники царя сопровождали их разными выходками против общепринятых приличий. В 1600 году в Лондон был отправлен Григорий Иванович Микулин; находясь здесь во время восстания графа Эссекса, он выражал свою готовность защищать мечом королеву – о чем его не просили, – но отказался принять приглашение лорда-мэра, потому что не считал себя вправе уступить высшее место представителю государыни.⁷⁸

Крупным дипломатическим событием царствования было посольство Ганзейского союза, однако и оно сначала как будто принимало вид коллективного представительства от всех городов, которые входили еще в эту умирающую конфедерацию, а свелось к посылке представителей одного только города Любека. Борис придавал большое значение развитию торговых сношений. Не позволяя себя загипнотизировать, подобно Ивану IV, английским миражем, он поспешил удовлетворить просьбу Тосканского герцога, разрешив флорентийским купцам посещать Москву и русские гавани; некий Сион Луччио не замедлил воспользоваться этим, открывая путь своим соотечественникам, приехавшим из Феррары и даже из Папской Области.⁷⁹ Однако, не желая ради этого упускать из вида отдаленный Восток, царь в то же время возобновил попытку относительно Персии.⁸⁰ Но для Москвы Ганзейский союз все еще сохранял преобладающее значение.

Представители города Любека, вместе с протестом против условий русско-шведского договора 1595 года, принесли жалобу на обычную недобросовестность русских купцов, умело вкладывавших в бочки с салом разные посторонние предметы, чтобы увеличить их вес. Подобные приемы долго еще оставались одним из главных препятствий для развития внешней торговли этой страны. Прием, оказанный послам, сулил впереди много хорошего. После представления царю в Кремле их угостили «сто девятью» различными яствами, принесенными на золотых блюдах. Узнав об этом, Бремен, Гамбург, Росток, всего двенадцать еще остававшихся в Ганзейском союзе городов, потребовали своей доли в ожидаемых привилегиях. Любек выказал себя великодушным и сделал вид, будто желает объединить свое дело с делом этих городов, – которые, однако, отказались внести свою долю на расходы по посольству; но Москва, разрешив Любеку, наряду с голландцами и англичанами, завести торговые ряды в Новгороде и Пскове и совершать богослужение протестантам, не пожелала распространить эту льготу и уступку на остальные заинтересованные города, и Любек примирился с этим привилегированным положением.⁸¹

В 1604 году в Архангельск прибыли из Лондона, Амстердама и Диеппа двадцать девять английских, голландских и французских кораблей с самым разнообразным грузом: тут были

⁷⁷ Мы имеем дневник посольства, составленный секретарем Ильею Пельгржимовским и изданный в Гродне в 1846 г. Трембицким. См. также: Древняя Российская Вивлиофика, изд. Новиковым, т. V, часть 10, стр. 86 и след.; Hist. Russiae Mon., II, № XXXI; Kognowicki, *ycia Sapieh*(w, I, 63 и след.; Соловьев. История России, VIII, 25 и газеты того времени («Neue Zeitung», в Вольфенбюттельской библиотеке, и Erklärung, в Венских секретных архивах).

⁷⁸ Сборник Импер. Общества Русской Истории, XXXVIII, 278 и след.

⁷⁹ Форстен. Балтийский вопрос, II, 57.

⁸⁰ Сугорский, статья в «Русском Вестнике», 1890 г., X.

⁸¹ Форстен, ук. соч., II, 60 и след.; Bl(mcke. Berichte und Akten der Hansischen G.; Brehmer. Die H. Gesandtschaft, Hansische Geschichtsblätter, 1889, стр. 29–51; Schleker, Reisebericht der H. G., ibid., 1888, стр. 32–65; Winckler, Die deutsche H. in B., главы VII–XII; Болдаков, Сборник материалов. См. также Adelung, Uebersicht, II, 186, главу, посвященную Брамбаху, автору донесения об этом посольстве, изд. несколько раз, именно: в Hansische Ghronick, I, P. «Willebrandt'a, Hamb. 1748, III, 140 и в Hist. R. Mon., дополнение, стр. 253—7.

жемчуг, драгоценные камни, сукна, шелковые ткани, сафьян, полотна, вина, сахар, изюм, лимоны, винные ягоды, пряности, медь, олово, свинец, порох, бумага, сельди, соль, сера, стеклянная посуда, золотая и серебряная канитель, мыло.⁸² Итак, начатая Борисом либеральная политика одержала в этой области блестящую победу. К несчастью, в то время уже его управление, подрываемое внутренними причинами, связанными с его происхождением, начинало рушиться; а с другой стороны, даже и во внешних сношениях его дипломатия потерпела такой удар, который должен был быть особенно чувствителен честолюбивому выскочке.

В 1601 году, желая произвести впечатление на Льва Сапегу, царь показал ему шведского принца, которого он предполагал выставить третьим кандидатом на шведский престол – этот предмет раздора между Карлом и Сигизмундом. Это был несчастный Густав, незаконный сын Эрика XIV и Екатерины Мансдоттер; этот странствующий принц уже в течение многих лет возбуждал своими похождениями и необычайными познаниями любопытство северных стран: получив воспитание у иезуитов в Браунсберге, в Торне и в Вильне, где он добывал себе пропитание, исполняя обязанности конюха; соперник Рудольфа II в науках и алхимии; не то полумный, не то гений, он гордился более своим прозвищем «Нового Парацельса», чем титулом королевского принца. Борис вступил в сношении с этой личностью еще при жизни Феодора, по донесению Варкоча. Он приглашал Густава приехать в Москву, где ему помогут опять завоевать себе королевство, а в ожидании этого дадут великолепный удел. В то время принц-конюх умирал в Италии с голода: получив подкрепление в виде подарка, сопровождавшего письмо правителя, он поспешил ответить на столь заманчивое приглашение. Он не нашел возможности стать шведским королем, но, на худой конец, он получил «в кормление» Калугу и три других города. А Борис, вступивши на царство, продолжал оказывать ему свое благорасположение, задумал даже женить его на своей дочери Ксении, которая таким образом могла стать королевой.

Но тщетно! Бедной царевне судьба готовила иную, весьма горькую долю. Густав привез с собой из Данцига, где он останавливался по дороге, жену хозяина немецкой гостиницы Христофора Катера и открыто жил с этой любовницей; вскоре она подарила его детьми, и Густав катал их в карете, запряженной четверней. Тщетно пытался Борис прекратить этот скандал, а принц еще умножал свои сумасбродства и более дурные выходки; пришлось Борису признать, что он сделал плохой выбор. Ксения лишилась жениха и утратила свои надежды, а неблагоприятный авантюрист был отправлен в Углич, затем в Ярославль и наконец в Кашин, где он и умер в 1607 г.⁸³

Царь решил найти для своей дочери лучшего жениха и воспользовался благосклонностью датского двора, желавшего обеспечить себе союзника в своих спорах со Швецией. И в самом деле, он действовал настолько успешно, что в сентябрь 1602 года из Копенгагена, с целью жениться на русской княжне, выехал принц Иоанн, родной брат короля Христиана IV. Но увы! Ксению не покидало горе-злосчастье. Борис, по своей привычке все делать с пышностью и широко, принимая своего будущего зятя в Москве, устраивал так часто и столь обильные пиршества, что через несколько недель этот двадцатилетний юноша скончался от несварения в желудке.⁸⁴

Спустя немного лет могила этого злосчастливого принца была разграблена и уничтожена поляками. И в довершение несчастья возникло подозрение, будто бы смерть его умышленно ускорил Борис. После угличской драмы воображение его подданных неотступно преследовали

⁸² Соловьев. История России, VIII, 53.

⁸³ Цветаев. Из истории брачных дел, стр. 28–31.

⁸⁴ См.: брачный договор в Русской Историч. Библиот. XVI, 883; Датское донесение о путешествии молодого принца Bűschings Mag. VII, 255–298; другое донесение, издан. в Копенгагене в 1606 г. (Hertog Hansis... Keise til Rydsland); другое еще в секретных архивах в Копенгагене; русское донесение у Müller, Sammlung R. G., V, 140–157; статья на рус. языке в «Северном Архиве», 1882, № 8 и на немец. языке St. Petersburg. Monatsschrift, 1882, № 34.

ужасные представления. А между тем отец Ксении так страстно желал найти ей супруга королевского происхождения! В следующем году он возобновил брачные переговоры с Данией, но они затянулись: в Копенгагене не думали повторить опыт.⁸⁵ Борис пытался найти жениха в Австрии, Англии и даже Грузии, но везде тщетно. Ксения осталась в девицах, и венчанному выскочке не удалось дать своему шатающемуся трону ту поддержку, которая все более и более казалась необходимой. Ведь это ужасное и нелепое подозрение, столь жестоко отягчая достойную жалости утрату надежд, не могло не указать бывшему правителю на ту бездну, которая беспрестанно увеличивалась под головокружительным зданием его чудесной судьбы. Разверзалась мрачная пропасть, полная ужасных кошмаров и угрожающих призраков. И Борис должен был по совести сознаться, что пропасть эту создал он сам, и своими собственными руками он бессознательно увеличивал ее.

IV. Последствия угличской драмы

Вступая на престол, Борис, казалось, сам был уже во власти мрачной галлюцинации. Окружая себя с таким подозрительным избытком необычайными предосторожностями, он внушал окружающим мысль о преступлении; и при своем чрезмерном недоверии обнаруживая беспокойство и тревогу по всякому поводу, он продолжал распространять эту мысль. Он не сумел принять вид князя, уверенного в своих правах и убежденного в верности и преданности своих подданных. Борис боялся их, и эта боязнь только помогала им оправдать его мнения о них; и столь же неизбежно он будил в них воспоминание о прежних государях, – как мало он был похож на них! – и приводил на память образ молодого князя, который, должно быть, либо погиб в Угличе, либо считался мертвым, чтобы царский любимец мог стать царем. Но в самом ли деле умер царевич?

Борис сумел снискать себе некоторую преданность своей щедростью и красноречием; но кроме черни, которую легко привлечь мелкой лестью и обычными подачками, ему вскоре нечего стало ни обещать, ни давать. А как раз в это время глубокая трещина открылась в этом формирующемся обществе, где при отсутствии всякой нравственной связи отсутствие всякого внутреннего объединения оказывалось еще более чувствительным. В моральном отношении русский человек семнадцатого столетия оставался столь же изолированным, сколь в девятом веке он был изолирован физически. В беспрестанно обостряющейся борьбе экономических и социальных интересов не приходил на помощь никакой примиряющий принцип, никакой общий идеал не смягчал материальные антагонизмы. Только одна религия могла бы сблизить таких врагов по самой природе, как ожесточенно эксплуатирующего землевладельца и безземельного крестьянина, столь же ожесточенно разоряющего своего противника; но для безграмотных, грубых и алчных священников сама религия служила только более лицемерным и столь же жестоким орудием вымогательства и притеснения.

Сравнительно мирное состояние, достигнутое Борисом при помощи временных мер, было только перемирием. Борьба должна была возобновиться; и еще свежее воспоминание о пережитых в царствование Грозного ужасах позволяло предвидеть, какова она будет. Как из своего сердца, Иван успел вырвать и из сердца своих подданных всякое чувство жалости. Бояре и крестьяне, то жертвы, то палачи, то зрители, то исполнители его кровавых оргий, стали похожи на диких зверей, которые не могли уже, увидев друг друга, не оскалить зубы. Всякое доверие, даже в самых обычных отношениях, казалось, было потеряно. Приятель, одалживая своего друга, требовал залог, в три раза превышавший стоимость ссуды, и взимал четыре процента в неделю! Грабили без стыда, выжидая поры, когда будут истреблять друг друга без пощады.

⁸⁵ Щербачев. Русская Историч. Библиот. XVI, 395.

Таким образом и общество уже разрушалось, ряды его расстраивались, рассыпаясь прахом; тревожным показателем в этом отношении служило грозное и непрерывное умножение «гулящего люда» – казачества. В этом явлении, которое объясняли разными причинами, при ближайшем исследовании, невозможно не распознать прямого последствия династического перелома, приготовленного в Угличе. Испытание застигло еще не окрепший организм в процессе наслоения и внутреннего слияния. Вплоть до смерти Феодора, совершалась ли эволюция или шла революция, работа эта охранялась железной оправой, которою князья из дома Калиты сумели окружить то огромное горнило, где они нагромождали и перетирали составные части сплава. Этой защитой была автократия, воля царя самодержавная, безусловная и заменяющая собой все то, что в созревших обществах спланирует людей, мешает им броситься и истребить друг друга. Но вот эта железная оправа рушилась. Правда, царь еще был, но какого рода? Вчера еще боярин, каких были сотни, который переругивался с равными себе и дрался с ними на кулаках. Борис вводил в заблуждение, будучи правителем: тень наличного государя, хотя бы и блаженного, покрывала его, и оттого он казался великим и мощным. Но после смерти Феодора иллюзия исчезла скоро: быстро подметили, что за этим призраком деспота нет ничего. И также скоро увидели, что и в стране нет уже ничего, что представляло бы какую-либо социальную силу: ни закона, ни порядка, ни чести, ни веры, ни совести, ни здравого рассудка, – ничего! Среди общей разнузданности всех враждебных общественному строю инстинктов осталось только смутное чувство народности; но чтобы это чувство определилось и окрепло, ему надо было пройти через испытание нашествия чужеземцев, которые оскверняли и разоряли родную страну.

По всей стране в то же время возникало казачество: когда украинские и донские казаки пришли из своих степей вслед за первым искателем престола, внезапно их наличный состав удвоился, даже утроился огромным наплывом казаков внутренних – бродяг, разбойников, людей, лишенных покровительства закона, всякого происхождения и общественного положения, разорившихся землевладельцев, беглых или промышляющих воровством крестьян, – всех тех, кто давно уже объявил войну господствующему порядку да и вообще всякого рода порядку.

Полагали, что происхождение смутного времени возможно связать с установлением крепостного права. Но здесь заблуждение очевидно. Ведь если даже и допустить, что крепостное право было установлено в эту пору, Борис явно старался улучшить до некоторой степени положение крестьян; а с другой стороны, никогда, ни в один момент в течение всего этого бурного периода крестьяне, как таковые, ни разу не поднимали знамени восстания на защиту своих особых интересов. Смута не была революционным движением какого-нибудь класса: в ней участвовали все классы; и тот, которому Борис покровительствовал наиболее, как я уже указывал, не составлял исключения. В этом среднем элементе он видел прочную опору для социального здания, которому его мирная и миротворческая политика старалась придать твердую устойчивость и постоянство на долгие времена, и он думал, что нашел окончательную формулу для этого. Как это свойственно всем выскочкам, Борис воображал, что его возвышение до верховной власти должно было положить предел тому восходящему движению всех социальных элементов, которое его самого вознесло так высоко. Но стремление вверх продолжалось, и еще неоплотневший пластический материал отказывался принять то устойчивое положение равновесия, которое Борис затевал ему придать только в силу одного лишь принципа самодержавия, хотя, воплощаясь в лице его, принцип этот утрачивал все, что составляло его обаяние и силу.

Этому результату способствовало соседство Польши. Обе страны в своей эволюции шли в то время в противоположном направлении: между тем как в Москве, разрушив все исконные предания о свободе, Годунов ухищрялся сохранить и укрепить свой личный деспотизм, в Польше шляхта с немалым усердием старалась стереть последние следы власти некогда могущественных князей из династии Пястов или Ягеллонов. И подданные Бориса, несмотря на строго охраняемые границы и различие интеллектуальной среды, не могли избежать заразы,

а особенно в ту пору, когда пресечение древней династии в самой основе потрясло политическое здание, искусными и могущественными строителями которого были последние Рюриковичи.

И так же напрасно ответственность за грядущие события возлагали на то либо иное отдельное лицо или на отдельную группу: древнюю аристократию, которая стремилась подняться из своего упадка; новую аристократию, которая намеревалась увеличить свои недавно приобретенные преимущества; безгласных соратников Бориса, происшедших из демократического движения опричнины и заявлявших притязания на разделение власти; монахов, которые во время опричнины обогатились благодаря переходу в их руки поземельной собственности и были озлоблены тем, что охранительные меры Бориса и его колонизаторские предприятия прекратили этот их захват земли. Смута произошла не от одного какого-либо из этих элементов порознь; все они внесли в эту сумятицу свою долю властолюбия и алчности, злобы и гнева; но ни один из них не вызвал непосредственно начала смуты. Она была общим явлением политического сдвига и социального разложения.

И в ту пору, когда это явление происходило, от сознания самих русских людей ускользнули и причины его и его сущность. Объяснение, которое обыкновенно приходило на ум в этой стране наивной веры, было: это – божеское наказание. И виновный был указан: Борис обладал всею властью, и на него падала вся ответственность. Такова точка зрения летописца – «Повести 1606 года». Служа выразителем целой историко-политической литературы, он видит во внезапной смерти царского любимца и в истреблении его семьи законное искупление, которое предвещает конец народных бедствий. Но бедствия продолжаются; Бог не перестает поражать. Тогда пробуждается мысль о коллективной ответственности, и мысль эта связывается с представлением необходимости борьбы на защиту истинной веры и русского отечества против ереси и нашествия чужеземцев. Исповедуются, раскаиваются в своих грехах; сражаются с поляками и всенародно оглашают те грехи, за которые развращенное и испорченное общество, действительно, заслужило столь жестокую кару. Вот существенное убеждение, истолкователем которого после многих других выступает Авраамий Палицын. Однако при окончательной отделке его произведения те места, где он его развивает, были вычеркнуты, – подобно тому, как в более близкую нам пору, в царствование Александра II, был выпущен в общественных молитвах стих, приписывающий нашествие 1812 года подобной же причине.⁸⁶

Это пробуждение народной совести послужит залогом победоносного возрождения. Но прежде будут пролиты потоки крови; и в глазах историка ни общественное неустройство, бывшее прямой причиной этой революционной вспышки, ни последовавшее за нею исправление, подготовившее затихание смуты, нельзя считать определяющими причинами ни той, ни другой фазы национальной драмы. Это были еще только последствия. Сами по себе ни смерть Феодора, не оставившего потомства, ни восшествие на престол выскочки в лице Бориса еще недостаточны, чтобы объяснить проникновение кризиса и его продолжительность. Ведь в конце концов Русь Рюриковичей, на самом деле, сумела обойтись и без своей древней династии и приспособиться к другой, потому что эта династия даровала ей то же самое, с той лишь разницей, что Руси показалось невыносимым терпеть на престоле род бывшего временщика. Годунов или Романов – разница была еле заметна. Но в промежуток между восшествием на престол того и другого положение должно было совсем измениться. По всей видимости, упорные надежды и отчаянные попытки восстановить династию, взбудоражив всю страну, и возбудили в ней смятение утративших связь между собою элементов. Угличская драма своей кровавой загадкой, своими возмутительными последствиями, тем, что предполагаемый убийца получил наследство своей жертвы, – вот что возмутило народное сознание и долго поддерживало смятение, доставляя в то же время предлог и бранное поле для столкновения других менее закон-

⁸⁶ См. Кедров. А. Палицын, как писатель, «Русский Архив», 1886, XIII, 460; ср. в том же журнале 1872 г. стр. 243.

ных интересов. Итак, чтобы стало возможным восстановить порядок и мир, прежде всего необходимо было явно убедиться в невозможности вернуться вполне к прошлому; затем, чтобы в своих тщетных усилиях создать новый порядок управления, революционные элементы исчерпали свои силы до полного истощения и изнурения; и наконец, чтобы жгучая боль иноземного нашествия побудила консервативные элементы сплотиться на какой угодно боевой клич, лишь бы он ручался за нерушимость национального достояния с его наиболее драгоценными интересами, или хотя бы с теми, которым они сами придавали наибольшую ценность. И тогда оказалось, что под властью новой династии был восстановлен в точности старый порядок. Таков удел многих революций.

А между тем именно против этого результата, осуществленного в первый раз, и поднялась эта революция! В совокупности своей она была делом двух партий, враждебных друг другу, преследующих противоположные цели, и тем не менее они оказались случайно в союзе между собой ради общей работы. Каково бы ни было происхождение первого претендента, без сомнения, он пользовался в России могущественным и аристократическим покровительством. И путь в столицу открыл ему переход на его сторону родовитых предводителей московского войска. Но мы увидим, что в его собственной армии преобладал демократический элемент — казаки. И те и другие были единодушны в своей одинаковой ненависти к Борису. Казнимая, разоряемая и унижаемая опричниной аристократия не прощала выскочек, что он продолжал этот ненавистный образ правления; и, чтобы получить наследство Грозного, она мечтала о царе из своей собственной среды, который положил бы начало образу правления, восстанавливающему ее прежние права. И наоборот, Борис, продолжая политику Грозного, не вполне удовлетворял желаниям простого народа; и вот, не имея законного наследника популярного царя, народ пришел к убеждению, что только он один способен хорошо устроить свои собственные дела.

Возмущенная России должна была, таким образом, пройти через сугубое испытание олигархии и анархии, через ужасающие бедствия, прежде чем она достигла тихого убежища.

V. Эпоха бедствий

Уже на третий год своего царствования Борис, казалось, истощил все свои средства. Он слишком много насулил, он оказался не в силах удовлетворить всех и сдержать свое слово. Ливонцам, бежавшим из своей родины, которую оспаривали друг у друга поляки и шведы, он обещал московский рай: «Приходите! Дворян мы сделаем князьями, горожан боярами, крепостным дадим свободу. Всех я наделю землею и крестьянами. Я одену их в шелк и бархат и наполню их карманы золотом!..» Что же оставалось ему предложить своим собственным подданным? В 1600 году Богдан Бельский был послан в Борисов, чтобы там, где можно перейти Донец вброд, построить для защиты против татар крепость; в этой почетной ссылке Бельскому надо бы жить тихо и мирно, а Бельский вздумал стать царем! И почему бы ему не стать царем в Борисове, как Годунов был царем в Москве? Быть может, Бельский не удовольствовался тем, что изображал собою независимого государя, а к этой дерзости присовокупил еще более тревожные происки. Приходит на память, что при восшествии на престол Феодора на Бельского пало подозрение, будто бы он желал противопоставить ему царевича Дмитрия. Он был весьма близок с Нагими. Без сомнения, он в точности был осведомлен о том, что произошло в Угличе, и, если юный князь был жив, он знал его убежище и его замыслы. Результаты следствия 1591 года были встречены всеобщим недоверием, а Богдан Бельский мог иметь особые причины для такого недоверия. Не обнаружил ли он чего-нибудь такого в Борисове? Суровость наказания, постигшего его вскоре после назначения туда, и та новая таинственность, которая окружала это проявление строгости, наводят на такое предположение. Но Борис не умел наносить удары, хотя он и прошел хорошую школу; злопамятный и мстительный, в своих возмездиях

он обнаруживал нерешительность и был чересчур склонен к полумерам. «Царь Борисовский» был лишен звания, имущества и наказан кнутом. Кроме того, по некоторым известиям, Борис велел одному из своих медиков-иностранцев выщипать по волоску всю бороду у несчастного.⁸⁷ Это было либо чересчур, либо недостаточно. Борис забыл, что из противников, от которых желают избавиться, не возвращаются только мертвые. И судьбе угодно было, чтобы та рука, которая прежде всегда готова была давать, теперь была всегда поднята, чтобы поражать.

Я упоминал выше про опалу Андрея Щелкалова. Она постигла человека, который принадлежал к тесному кругу бывшего царского любимца и, подобно ему, был креатурой Ивана IV и опричнины; и может быть, столь же таинственные причины этой опалы нельзя связывать только с теми переговорами, которые этот чересчур предприимчивый дьяк смело начал с посланником императора. Угличский выходец с того света, при появлении своем на сцене, вскоре укажет на него, как на одного из своих спасителей. За Щелкаловым пришла очередь Богдана Бельского, а за ним та же участь постигла и других. Точное время этого происшествия неизвестно; его можно отнести приблизительно к 1601 году; а между тем в это же время слуга Александра Никитича Романова, – второго из пяти сыновей знаменитого брата Анастасии, – донес, что его господин хранит у себя мешок с ядовитыми кореньями, очевидно, злоумышленно. Начались повальные аресты; они захватили в сети сразу всю семью обвиняемого, всех его друзей и привели их в застенки. В июне 1601 года состоялся приговор: старший из братьев, Федор Романов, принужден был принять монашество под именем Филарета и был заточен в отдаленный Антониев монастырь в Сийск; жена его – Шестова, женщина бедная и низкого происхождения, на которой его заставили жениться, чтобы унижить его род, под именем Марфы была пострижена в одном из заонежских монастырей.

Это были отец и мать будущего основателя династии, которая дала России Петра Великого.

Другие члены семьи были рассеяны по городам и селениям Сибири.⁸⁸ В маленькой церкви в Ныробе Пермской губернии благоговейно хранятся громадные цепи, в которые был закован сын Никиты – Михаил; предание говорит о его богатырском сложении, и эти печальные реликвии, кажется, готовы это подтвердить. Одна цепь, которую узник носил на шее, весит двенадцать фунтов! Из пяти братьев остались живы только двое – Филарет и Иван; в гибели остальных обвиняли Бориса. В действительности, и в этот раз он не сумел согласовать свою политику со своими природными влечениями. Приставам, которые были назначены для надзора, строго было приказано следить, чтобы ссыльные не общались ни с одной живой душой; но в то же время они должны были заботиться о безопасности жертв и даже о некотором их благосостоянии.

Если принять во внимание обстоятельства и время, Борис просто повредил успеху той меры строгости, в которой он проявил, быть может, полезную энергию, этой мерой послабления, явно обнаруживавшей его слабость. В борьбе, которая уже начиналась, всякое снисхождение отнюдь не могло принести ему пользы, а только вред. Оно было понято как знак бессилия, его нельзя было даже применить! У него не было для этого орудий. Подчиненные Бориса, будучи воспитанниками Грозного, каким был и сам Годунов, лучше его запомнили полученные вместе уроки и невольно нарушали слишком снисходительные приказы. Пристав, следивший за Александром Романовым, получил за это выговор, но ссыльного уже не было в живых! Впрочем, весьма вероятно, что предание преувеличило ту суровость, которую терпела в ссылке семья, всегда любимая народом. Обыватели Ныроба рассказывали впоследствии, что Михаил Романов жил в землянке, его держали на хлебе и воде, а простой народ приносил ему

⁸⁷ Никоновская летопись, VIII, 46–47; Тимофеев. Русская Ист. Библ., XIII, 276–276. ср. Платонов. Очерки по истории смуты. 243–244.

⁸⁸ Акты исторические, II, 34 и след.; Никоновская летопись, VIII, 42–43.

тайком пищу и лакомства. А между тем, согласно приказу, пристав должен был давать ссылке белый хлеб и два или три блюда из мяса и рыбы; ему отпускаясь на это достаточная сумма.⁸⁹ Быть может, он откладывал определенную долю в свой карман?

Но где причина этой опалы, постигшей всю семью и целую группу людей, которые до тех пор если и не очень искренно, то, по-видимому, добросовестно связывали свою судьбу с судьбой Годунова? Очевидно, мнимая находка подозрительных корней у одного из них была только предлогом. Впоследствии стало известно, что в то время, когда с такой строгостью велось следствие по этому поводу, через границу бежал какой-то юноша темного происхождения и неопределенного общественного положения, чтобы на время бесследно затеряться в беспредельной дали польской или казацкой уkraine и затем появиться под именем царевича Дмитрия.⁹⁰ Официально этого беглого отождествляли с Гришкой Отрепьевым; однако, другие столь же официальные документы считали его особой личностью, давая понять, что он был только товарищем походов монаха-расстриги, носившего это имя, который, несомненно, проживал некоторое время среди челяди Романовых и Черкасских, заодно с ними пострадавших в 1601 году. Пребывание Льва Сапеги в Москве точно так же совпало по времени с теми мерами опалы, которые были приняты против недавних друзей, и, может быть, загадочные сношения этого посланника с разными приближенными к Борису лицами не были чужды этого события. Наконец, следует отметить, что Мария Нагая, по свидетельству Маржерета (будущего товарища по оружию Дмитрия), в это же время была удалена из подмосковного монастыря, где ей дозволено было поселиться, в монастырь значительно более отдаленный.

Это сцепление происшествий очень знаменательно, и его следует запомнить. Оно нам поможет если и не разрешить бесспорно загадку, которой мы займемся в следующей главе, то по крайней мере исследовать ее предлагаемые решения с полным знанием дела.

Официально Романовы были наказаны за стремление «достать царство», и, быть может, в эту пору они вели двойную игру: сын Марии Нагой, воспитанный с их участием в укромном месте и тайно постриженный в монахи, мог послужить орудием для низвержения Бориса, и в то же время он пролагал бы путь другому кандидату. В самом деле, всегда была бы возможность в удобный момент объявить монашеский чин искателя престола и тем преградить ему доступ к высшей власти. Ведь, как ни честолюбив был сам Филарет, и он почувствовал всю тяжесть кlobука, словно гвоздем прибитого к его голове предусмотрительной рукой – и уступил место своему сыну.⁹¹

Борис, должно быть, почуял, что ему грозит серьезная опасность, если он так жестоко преследовал своих приближенных. Ведь ему удалось отеснить боковые ветви Рюрикова рода с помощью Романовых и их приверженцев, подобно ему бывших представителями той новой аристократии, которую приблизили к трону браки Ивана IV и Феодора. Но вот эти помощники как будто собираются оспаривать завоеванное им место. Борис был еще достаточно силен, чтобы отразить удар, но он остался одиноким; один он встретил и новые напасти: сама природа обратилась против него и отняла у него последние средства для защиты.

Всем своим подданным он обещал благосостояние, а многим даже богатство; но именно с этого 1601 года у большинства не стало хватать хлеба. Вследствие непрерывных дождей и сильного заморозка на Успение погиб весь урожай. Начался ужасный голод: родители покидали

⁸⁹ Карамзин. История Государства Российского, XI, 62 и примеч. 155. Официальные документы, относящиеся к истории этой опалы, были сокращены при издании (Акты исторические, указ. место); см. Павлов (Бицин), Правда о Лжедмитрии, «Русский Архив», 1886, VIII, 530.

⁹⁰ Акты археографической комиссии, X, 46–47.

⁹¹ См.: Платонов. Очерки по истории смуты. Стр. 247; Акты археографической комиссии, II, № 28, стр. 78; Собрание государственных грамот и договоров, II, № 152, стр. 322; Бантыш-Каменский, статья в «Чтениях в обществе Истории и Древностей», 1861, I, 44; Болдаков, Сборник материалов, стр. 63; Русск. Истор. Библиот., XIII, 716; Костомаров. Кто был Лжедмитрий I? Стр. 41 и 48; Иконников. Новые изыскания по истории Смутного времени, стр. 72.

своих детей, мужа своих жен; по дорогам голодные, подобно скоту, питались травой; во рту у мертвых находили человеческий кал; озверевшие матери ели своих детей, а дети убивали и ели своих родителей! Путешественники избегали останавливаться: на постоялых дворах, ведь, легче было быть съеденным другим гостем, чем самому найти пищу. На рынках продавалось человеческое мясо! Летописец утверждает, что он был свидетелем ужасного зрелища на одной площади столицы: мать разрывала на части своего еще живого ребенка! Ногтями она отрывала куски мяса и спокойно их ела!⁹²

Чтобы прекратить бедствие, Борис сделал огромное усилие. По сообщениям Маржерета и Буссова, он раздавал ежедневно до 600 000 денег (деньга – первоначальное название копейки). Но этим он достиг только одного: уже изголодавшееся население Москвы быстро умножилось, со всех сторон сюда сбегались нищие. И в то же время, пренебрегая строгими наказаниями, которые грозили скупщикам, богатые люди, и не только какие-нибудь темные спекулянты, но и лица высокого общественного положения и чина – игумены, архимандриты, управители епископских вотчин, даже Строгановы, старались извлечь пользу из народного бедствия. Захватывая в свои руки весь наличный хлеб, они пользовались щедрою раздачею денежной милостыни по царскому указу, чтобы еще поднять и без того непомерно высокую цену. Борис понял свою ошибку и заменил денежную милостыню раздачею пищи; но хлеб все-таки давал утечку в руках посредников, и голод все увеличивался.⁹³

Он продолжался более двух лет; не считая тех, которые получили более почетное погребение в четырехстах церквях столицы, на кладбищах было похоронено 127 000 трупов, – так насчитывает Палицын. Другие насчитывают число жертв до 500 000.⁹⁴ Поздно, слишком поздно Борис догадался из тех областей, где был избыток вследствие обильной жатвы, именно из Курской, доставить хлеб в центральные области, наиболее пострадавшие. И только урожай 1603 года прекратил это бедствие. Но тогда появились его обычные и зловещие спутники: моровая язва и разбой. Многие господа отпускали своих крепостных, не желая или не имея возможности их кормить; в большинстве случаев они не давали им отпускных грамот, сохраняя, таким образом, право впоследствии потребовать их обратно и заставить тех, кто дал им пристанище, заплатить себе вознаграждение. Такое положение отрезало все пути: холопы толпами бродили по полям, составляли вооруженные шайки, грабили и убивали. Число бродяг увеличивала многочисленная челядь недавно сосланных бояр: обычай требовал, чтобы вместе с господами были наказаны и слуги – они теряли право поступать на службу к другим. Многие из таких слуг обучались военному делу; они собирались в степи, пограничной с Северной областью, уже ставшей средоточием тревожного мятежного возбуждения.

Уже давно в эту Украину,⁹⁵ более близкую, чем Украина казацкая, толпами стекались беглецы всех сословий – крестьяне и дворяне, которым не удалось ужиться с московским образом правления: одних изгнало государство, другие сами почувствовали необходимость удалиться от непосредственной близости всегда мечущего грома Олимпа, где царь собирал верных себе людей. Иван IV ссылал сюда тех из приговоренных к смерти, которых ему случалось помиловать. Но по мере своего заселения эта страна, где все находили приют, теряла свою свободу. Москва постепенно распространяла свою политическую и административную систему, содействовала переселениям и, таким образом, проникла сюда и наложила свою тяжелую руку на здешних выходцев. Стараясь шадить центральные части своего государства, Борис именно для этой окраинной области наметил целый ряд менее либеральных мер; он сводился к тому, чтобы насильно вернуть некоторое число добровольных изгнанников на родные места, а дру-

⁹² Peer Persson. *Рer. Ross. script. ext.*, I, 165.

⁹³ «Русская Старина», 1891, XI, 489–504; Платонов. *Очерки по истории смуты*. Стр. 256.

⁹⁴ Русск. Истор. Библ. XIII, 479; Никоновская летопись, VIII, 47–48; Карамзин. *История Государства Российского*. XI, примеч. 170.

⁹⁵ Это название обозначало все пограничные области.

гих заставить войти в рамки общей организации и обложить их более, чем приходилось на их долю по раскладке общенародных тягот и повинностей.⁹⁶

Осенью 1603 года эти меры вызвали первое мятежное волнение. Атаман Хлопко Косолап собрал целое войско и двинулся к Москве; царь должен был выслать против него значительный отряд под предводительством воеводы Ивана Феодоровича Басманова. Битва произошла почти под стенами Москвы, победа осталась за царским войском, но воевода был убит. Тяжело раненого Хлопко взяли в плен и повесили вместе с несколькими товарищами. Однако многим из них удалось вернуться на свою Украину, и вскоре эта уже заряженная электричеством среда получила и с другой стороны страшный толчок.

Буря приближалась. Скончалась инокиня Александра; говорили, что бывшая царица Ирина не вынесла тех несчастий, которые угнетали ее родину и ее семью, что она предвидела еще худшие. Еще в 1596 году около Нижнего Новгорода на берегу Волги сползла гора, на которой был построен Печерский монастырь. В этом событии народ увидел зловещее предзнаменование: разрушение почитаемого храма было связано с пресечением национальной династии и со вступлением на престол потомка безбожника Четы. В 1601 году ночная смена стрельцов, идя в Кремль, видела, как над царскими палатами промчалась колесница, запряженная шестерней; одетый по-польски ямщик хлестал своим бичом ограду дворца и так ужасно крикнул, что все эти стрельцы разбежались.⁹⁷

Угрожающие предостережения все учащались. Народ видел то, чего никогда еще не случилось видеть: волки пожирали друг друга! В 1604 году новое невиданное зрелище поразило жителей Москвы – по улицам бегало множество лисиц; одну из них убили около дворца; мех ее был настолько темнее всех местных видов лисиц, что какой-то купец дал за него пятьдесят рублей, словно за черную сибирскую. Страшные ураганы опустошали разные места. Где перевелась вся рыба, в другом месте не видно было больше птиц. А кроме того, где-то женщина разрешилась от бремени каким-то уродом. Появилась комета такой величины, что летом, среди бела дня, ее можно было ясно видеть на небе.

Ни один астроном не отметил прохождения этой кометы и ее яркого сияния; и, без сомнения, все рассказы летописцев о тех чудесах, которые сопровождали ее появление, надо тоже приписать народному воображению. Но в мятежной Украине, где снова уже собирались остатки войска атамана Хлопко, замечалось явление более реальное и более грозное: распространялось известие, что угличский царевич Дмитрий жив, что он открылся некоторым магнатам соседней Польши.

⁹⁶ Платонов. Очерки по истории смуты. 254, 256.

⁹⁷ Костомаров. Смутное время, I, 69.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Политический кризис

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Выходец с того света

I. Появление претендента

По замечанию одного немецкого писателя,⁹⁸ претендент это – историческая разновидность человеческого рода, существование которой обусловлено стечением благоприятных моральных обстоятельств, подобно тому, как благоприятная совокупность физических элементов создает разновидности в животном мире. Они не приспособляются безразлично ко всем странам и ко всем эпохам. В иные периоды и в иных местностях они выходят словно из земли и размножаются, как грибы после дождя. В другие периоды и в других местностях они появляются единично и развиваются с трудом. Папа Климент VIII на полях донесения от 1 ноября 1603 года, извещавшего его о появлении Дмитрия, написал: *Sara uno altro re di Portogallo resuscitato*.⁹⁹ Вполне достоверно известно, что знаменитый португальский король дон Себастиан был убит в Африке; но начиная с 1578 года многочисленные самозванцы, самовольно принимавшие его имя, были обычным явлением того времени. Королевство династии Браганцев переживало тогда ряд политических кризисов, поэтому оно сделалось излюбленным поприщем для этих авантюристов. Около того же времени, когда в Молдавии прекратилась династия Богдаников, это государство стало столь же чудесным поприщем для предприятий такого же рода; и, ожидая более крупных подвигов на более широком поприще, в них принимали участие запорожские казаки.

Какое же другое поприще могли они найти, более благоприятное, чем эта обширная Московия, так глубоко замутившаяся в то время! Все, и таинственное исчезновение последнего представителя дома Рюрика, и слабость новой династии и несчастья, угнетавшие страну, и начавшееся уже в пограничных областях брожение, – все подготовляло именно здесь на заре семнадцатого века идеальное местопребывание для всевозможных искателей приключений.

«Не вызывай волка из колка», говорит русская пословица. Один, правда, подозрительный свидетель сообщает, будто Борис совершил эту неосторожность. В 1598 году, когда исход борьбы за наследство Феодора казался ему еще сомнительным, он надумал приготовить на всякий случай воззвание к народу; в нем объявлялось о вступлении на престол, под именем Дмитрия, так похожего на сына Марии Нагой юноши, которого Борис хранил про запас. Один экземпляр этого документа был послан в Смоленск.¹⁰⁰ Можно сомневаться в этом свидетельстве, но все же оно дает нам назидательное указание для оценки той моральной среды, где собирались подобные новости и где им верили. По всей Смоленской земле, по соседней Северской и еще далее по берегам Дона и нижней Волги, на запад и на юг по окраине громадного государства волновались беспокойные головы и ретивые сердца; в погоне за неизвестным они чуяли волка и призывали его в своих горячих мольбах.¹⁰¹

⁹⁸ Brückner. Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands, стр. 6.

⁹⁹ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 41.

¹⁰⁰ Письмо Андрея Сапеги, Орша, 16 февраля 1598 г. Archivum Domus Sapiehae, I, 177–179.

¹⁰¹ Письма Остерского старосты на польской границе, Михаила Ратомского, в Архивах ватиканских, отдел Боргезе, III, 90

И волк явился!

Уже в 1601 году обнаруживаются его следы, сначала в Киеве, затем у воеводы этой области князя Константина Острожского, образ которого я воспроизвел выше. В то время никто еще не знал ни имени, ни происхождения этого искателя престола. Он явился в виде молодого монаха, затерявшегося в толпе набожных богомольцев, которые стекались к чтимым святыням древнего города, или посещали соседние монастыри. Он выбрал удачно место для своего появления. Несмотря на Брестскую унию и тот раздор, какой вызвало это событие в православном мире, князь Острожский остается непреклонным защитником православия; в его обширных владениях собираются и находят убежище все жертвы этой великой религиозной войны. Князь Острожский – могущественный покровитель. Его ежегодный доход определяют в 1 200 000 флоринов. Он держит у себя до 2 000 человек челяди и шляхтичей; этим двором управляет маршалок, который получает 70 000 флоринов жалованья. Хозяин – большой хлебосол, кормит наотвал: говорят, один из слуг князя, некий Богдан, съедал за завтраком жареного молочного поросенка, гуся, двух каплунов, кусок говядины, три больших хлеба, громадный сыр и, кроме того, запивал все это восемью литрами меду! И после он с нетерпением ждал обеденного часа.¹⁰²

Этот двор служил пристанищем для всех противников Рима: православных, реформатов, кальвинистов, тринитариев, ариан. Всякий, кто ненавидел «латинскую ересь», находил здесь радушный прием. И, может быть, будущий претендент сделал именно тут первую попытку открыть себя и просил поддержки у могущественного магната? Слух об этом дошел до Кракова вместе с известием, что воевода поспешил вышвырнуть из своего замка дерзкого авантюриста. Старому патриарху православия пришлось пережить достаточно приключений, порой небезопасных, в которые бросала его, на склоне лет, та роль, которую он должен был выдержать до конца. И действительно, в своем письме к польскому королю от 3 марта 1604 года он отрицает, будто имел личные сношения с этим бродягой-монахом. Последний мог найти убежище в каком-либо из монастырей, находящихся под покровительством князя, но князю об этом не сообщили. Однако сын воеводы Януш, краковский кастелян, был в то время более осведомлен. Он указал следы странствований и последовательных превращений того, кто выдавал теперь себя за Дмитрия. Он точно знал, что этот искатель приключений довольно долгое время прожил во владениях князя Острожского, и именно в Дерманском монастыре.¹⁰³ С другой стороны, более известное продолжение этой одиссеи не позволяет предполагать, что она началась в Остроге такой унижительной неудачей. В самом деле, немного времени спустя авантюрист снова обнаруживается в Гоще, этом центре арианской пропаганды и местопребывании гаевского кастеляна Гавриила Гойского. А. ведь этот Гойский не кто иной, как столь щедро вознаграждаемый маршалок двора князя Острожского! Нельзя допустить, чтобы претендент обратился к слуге, после того как его так плохо принял хозяин. Вероятнее всего, что в Гоще, как и в Остроге, он проживал неизвестным и незамеченным. По одному свидетельству, он служил в Гоще на кухне.¹⁰⁴ Это не очень-то вероятно. Принимая во внимание те навыки и познания, которые он обнаруживал впоследствии, мы склонны предположить, что этот искатель престола более разумно распорядился своим временем. На взгляд людей, умевших ценить, на его православии всегда замечался оттенок арианской и социнианской ересей; очевидно, он учился в той школе, которая была в Гоще.¹⁰⁵ И весьма вероятно также, что он искал еще своего пути.

В 1603 году мы находим его в Брагине, у князя Адама Вишневецкого. Здесь открываются перед ним более широкие горизонты. Князь Адам, этот крупный магнат, – племянник

В, fol. 165; Русские документы в Копенгагенских Архивах, Русская Истор. Библиот. XVI, 401.

¹⁰² Niesiecki. Herbarz, в изд. 1841 г., VII, 183.

¹⁰³ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 44–45.

¹⁰⁴ Barezzo-Barezzi (Possevino), стр. 6. Ср. Русская Истор. Библ., XIII, 21.

¹⁰⁵ Левицкий. Социнианство в Польше, «Киевская Старина», апрель – май 1882 г.

знаменитого Дмитрия Вишневецкого, злосчастливого кандидата на молдавский престол, – полурусский, полу-поляк, питомец виленских иезуитов и, однако, ревнитель православия – принадлежал к знаменитому роду кондотьеров, который утвердился по обоим берегам Днепра на окраинах двух государств и стремился за счет обеих стран выкроить себе независимое княжество. Именно в это время Вишневецкие обнаруживали лихорадочную колонизаторскую деятельность, заселяя оба берега Сулы, одного из притоков великой реки, по направлению к Снятину и Прилукам.¹⁰⁶ Но и москвитяне, в свою очередь, не дремали: они только что отобрали внезапным набегом оба эти местечка – предмет давнего спора, и враждебные отношения с той и с другой стороны не прекращались; их смягчала лишь необходимость шадить как русское, так и польское правительства.

Уже в Гоше, должно быть, незнакомец скинул свою рясу и здесь открылся. Но как он это сделал? На этот счет ходили самые разнообразные рассказы: про сцену в бане, когда Вишневецкий вспылал на небрежность прислуживавшего ему слуги, а тот остановил его словами: «Вы не знаете, кого бьете»; про действительную или притворную болезнь юноши с его «предсмертной» исповедью одному монаху. Я не стану их пересказывать. Чтобы доказать истинность вырвавшегося у него признания, он показал крест – подарок своего крестного отца, князя Мстиславского, и особые приметы, подтверждавшие его знатное происхождение: бородавку на шее, красное пятно повыше правой кисти и то, что одна рука короче другой. Немного спустя среди челяди Льва Сапеги оказался московский перебежчик, некий Петрушка, известный в Польше под именем Петровского, который в былое время будто бы служил в Угличе при особе царевича. Его доставили в Брагин и хотели устроить претенденту ловушку, представив ему этого человека под другим именем. Но он не задумываясь признал Петрушку, и в то же время был признан им.¹⁰⁷

И другие источники указывают участие Сапеги в этом сенсационном выступлении;¹⁰⁸ правда, литовский канцлер после отрицал это, новее позволяет думать, что в ту пору он, действительно, был склонен если не считать претендента истинным царевичем, то по крайней мере служить его делу.¹⁰⁹ Вскоре, когда известие о нем стало распространяться, в Брагин нахлынуло множество москвитян, которые, в свою очередь, убежденно заверяли, что перед ними был сын Ивана IV и Марии Нагой. Это обстоятельство, засвидетельствованное Вишневецким, не может не изумлять: трудно представить себе, чтобы эти люди через двенадцать-тринадцать лет были в состоянии узнать князя, которого они видели еще ребенком, если только они его когда-либо видели. Но, как это свидетельствует со своего наблюдательного поста остерский староста, вся окрестная земля была переполнена людьми, которые, не побывав даже в Брагине, все равно, готовы были провозгласить претендента истинным царевичем.

Сам Вишневецкий был в этом уверен или не прочь был поверить. 7 октября 1603 года он пишет коронному гетману и великому канцлеру польского государства Яну Замойскому, извещая его о событии, и просит его взять под свою защиту интересы Дмитрия.¹¹⁰ Впрочем, эта просьба могла быть вызвана теми тревожными для Вишневецкого последствиями, причиной которых уже послужило появление претендента. Скоро извещенный обо всем, Годунов попытался положить сразу конец этому предприятию: он обещал на выгодных условиях разрешить известные нам поземельные споры, но требовал, чтобы брагинский кастелян выдал покровительствуемого им юношу. Вишневецкий медлил с ответом, вследствие чего в виде предостережения о грозящих ему мерах возмездия москвитяне разорили некоторые пограничные вла-

¹⁰⁶ «Киевская Старина», 1897, III.

¹⁰⁷ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 49.

¹⁰⁸ Pierling. Rome et Démétrius, стр. 178.

¹⁰⁹ Archivum Domus Sapiehanæ, I, 405–406.

¹¹⁰ Sobieski. Szkice historyczne, стр. 81.

дения. Это была уже война, и польский король для ее успешности должен был обеспечить себе средства. Но, в свою очередь, и Замойский не торопился принять то или другое решение. Он хотел, путем правильного расследования, предварительно вытеснить тайну, и с этой целью требовал присылки претендента в Краков.¹¹¹

Вишневецкий не решался пойти на это. Польша только что подписала двадцатилетнее перемирие с Москвой и продолжала вести войну со Швецией; трудно было предположить, что она предпримет еще и другую войну. И с какой целью? С целью даровать Москве законного царя, который, без сомнения, более Бориса постарается идти по следам Грозного и станет опасным соседом! Надо было по крайней мере исследовать почву и подготовить благоприятное настроение. Не желая выпустить из своих рук раз взятое под покровительство лицо, брагинский кастелян отправил в Краков донесение с кратким изложением автобиографии этого искателя престола, составленной, очевидно, под его диктовку; затем он стал выжидать событий.

Но Дмитрий уже нашел себе других покровителей. Адам Вишневецкий поспешил завязать сношения между претендентом и своими двоюродными братьями: Михаилом Вишневецким, овручским старостой, проживавшим за Днепром в Лубнах, куда вскоре набралось много приверженцев царевича, и Константином – ревностным католиком, который через свою жену, Урсулу Мнишек, породнился с фамилией, имевшей большое значение при краковском дворе. Действительно, это была находка! Таким путем претендент проникал в новую среду, где он мог надеяться найти для своего дела поддержку, могущественную в ином смысле. В Заложнице у Константина Вишневецкого он нашел Марину.

Но прежде, чем излагать роман, который завязался при этой встрече, я должен остановить внимание читателя на загадке, которую Замойский хотел разрешить путем расследования.

II. Загадка

И в России и за границей личность «Лжедмитрия» была предметом самых разнообразных предположений как во время его появления, так и впоследствии. Так, из иностранцев – Буссов, наслушавшись поляков, сообщает, что «Лжедмитрий» был сыном Батория; и недавно еще один польский историк снова разработал это предположение в своей обильной документами работе, причем он опирается на некоторые черты физического сходства. Бородавка претендента сыграла значительную роль даже и в его посмертной судьбе.¹¹² Швед Видекинд слышал, с одной стороны, что родиной этого юноши была Валахия, а с другой – что он был итальянец по происхождению.¹¹³ Многие из русских людей склонны были видеть в нем поляка, но для столь же многих поляков его русская национальность не представляла никакого сомнения. Даже среди тех, кто рассматривает его как лжецаревича, иные допускают, что он мог быть вполне искренен, а среди тех, кто признает его сыном Грозного, существует неуверенность во мнениях относительно имени, которое он носил, прежде чем открылся.

В общем, однако, нам приходится разобраться в двух положениях, ставших как бы классическими в своем вековом противоречии: подлинность претендента и, согласно с грамотами Бориса, тожество его с монахом Григорием, или Гришкой Отрепьевым, принадлежавшим к семье ярославских бояр. Я не позволю себе сказать, подобно одному историку, что, если претендент не был Отрепьевым, он мог быть только истинным Дмитрием,¹¹⁴ – но безусловно загадка заключается в этих двух предположениях. В своей медленной эволюции историческая

¹¹¹ Одно из писем Замойского было напечатано в *Listy (ółkiewskiego)*, стр. 129; другое находится в Архиве Замойского в Варшаве.

¹¹² Hirschberg. *Dymitr Samozwaniec*, стр. 279–280. Вержбовский. *Материалы к истории Моск. гос.*, III, стр. VII.

¹¹³ *Hist. belli sueco-moscovitici*, стр. 21.

¹¹⁴ Бестужев-Рюмин. *Письма о Смутном времени*, стр. 48.

критика становилась то на сторону одного, то на сторону другого предположения, но в наше время она, как будто, склоняется скорее ко второй гипотезе.

В мутных и смущающих глубинах этого спора происходит, словно встречное течение, странное возвращение к отвергнутому уже мнению. Лет двадцать тому назад один историк заявлял, что утверждение, отождествлявшее «Лжедмитрия» с Отрепьевым, окончательно осуждено и отвергнуто наукой. Он писал: «Костомаров осудил это мнение; он доказал, что оно зиждется на слишком шатких основаниях, чтобы отныне его можно было признавать в истории».¹¹⁵ Прошло двадцать лет, и тот же самый ученый, наперекор тем, кого он привлек к своему мнению, – т. е. наперекор большинству – стал решительным поборником противоположного положения.¹¹⁶ Между тем, не обнаружилось ни одного нового обстоятельства, по крайней мере из тех, которые истории должна принимать к сведению. Единственный новый документ, внесенный за это время в прения, это – найденный о. Пирлингом польский подлинник письма Дмитрия к папе Клименту VIII, которое до этого времени было известно только в латинском переводе. В этом собственноручном письме специалисты¹¹⁷ единогласно признали почерк и стиль москвитянина или русского из Белоруссии. Как бы учены ни были эти выводы, мне они кажутся довольно сомнительными; когда идет речь о письме, плохо написанном на польском языке, ничего не может быть, по моему, более сходного, как приемы письма русского, который воспитывался в Польше, с письменами поляка, воспитанного в России. Во всяком случае, предполагая, что автор послан был русский, надо еще доказать, что это был именно Отрепьев. Пытались ли, по крайней мере, заново истолковать в этом смысле издавна известные документы? Нисколько! И как на войне убитыми всегда остаются одни и те же храбрецы, так и в этом споре всегда служат все одни и те же доводы; их выворачивают наизнанку и этим довольствуются. Мы не обладаем ни одним непосредственно исходящим от претендента документом, где бы он указал, каким образом избег он смерти. А между тем нам известно, что он высказывался по этому поводу. Вопреки обычаю, даже в самый день своего коронования он говорил народу речь, продолжительно рассказывая свои приключения.¹¹⁸ Эти ценные признания, должно быть, были собраны; и если всякий след их исчез из московских архивов, или нет возможности его обнаружить, тогда очевидно, что правительства, следовавшие за правлением Дмитрия, сочли уместным уничтожить неудобное им свидетельство.¹¹⁹ Так рассуждали двадцать лет тому назад. А потом все изменилось. Молчание, которое официально присвоили Дмитрию его преемники, считалось доказательством того, что он рассказал нечто такое, что оправдывало его и осуждало их; теперь оно служить свидетельством его самозванства!

Но, как я имел уже повод указать, этот спор, по крайней мере в России, стоит не на чисто научной почве. Знаменитый историк восемнадцатого века – Миллер считался сторонником отождествления Дмитрия с Отрепьевым. А между тем англичанин Кокс¹²⁰ утверждает, что в своих беседах с этим ученым он добился его признания в противоположном убеждении: Миллер считал «Лжедмитрия» – истинным Дмитрием. «Я не могу высказать мое убеждение в России, говорил он; но если вы прочитаете то, что я написал об этом вопросе, вы поразитесь слабостью тех доводов, которые я выдвигаю. Если вам придется, в свою очередь, высказаться по этому вопросу, не колеблясь противоречьте мне, но не выдавайте меня, пока я жив». И Миллер

¹¹⁵ Pierling. Rome et Démétrius, 1878, стр. XV.

¹¹⁶ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, 1901, III, 397.

¹¹⁷ Пташицкий. Письмо первого Самозванца в «Изв. Ак. Наук». Спб. 1899. Baudouin de Courtenay. Strona j(zykowa oryginalu polskiego listu Dymitra S. etc. Краков 1899.

¹¹⁸ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 189.

¹¹⁹ Утверждение, будто бы в царствование Дмитрия не вели никаких списков официальных бумаг, кажется весьма невероятным.

¹²⁰ Travels, Лондон, 1802, 5-ое изд., IV, 19.

сообщил поводы, почему он покорно мирился с научным обманом, утверждая, что Дмитрий был обманщик. В один из своих приездов в Москву императрица Екатерина спросила его:

– Я знаю, вы не верите, что Дмитрий был самозванец. Скажите мне откровенно правду.

Миллер молчал; но на новые настойчивые вопросы государыни он, наконец, ответил:

– Вы, Ваше Величество, знаете также, что мощи истинного Дмитрия почивают в соборе Архангела Михаила и творят там чудеса.

Императрица не настаивала далее.¹²¹

Полагаю, что я уже устранил это затруднение и, следовательно, могу свободно приступить к изложению вопроса, который не будет более им затемняться. На этом поприще я имел уже предшественников даже и в России. Хотя граф С. Д. Шереметев еще хранит в тайне результат своих продолжительных и терпеливых исследований, и хотя его ученый друг, благодаря большей свободе печатания, которой стали пользоваться его труды, только наметил этот результат в упомянутой выше переписке, – зато периодическая печать пошла несколько далее вперед. Издатель «Нового Времени» А. С. Суворин в целом ряде статей, которые обратили на себя внимание, дерзнул пополнить пробелы между строками.¹²²

Я спешу оговориться, что в подробностях высказанные таким образом предположения – а они не более чем предположения – не кажутся очень твердо обоснованными. Нагие допустили зарезать вместо царевича мальчика, по фамилии Истомина; Дмитрий, скрытый ими в безопасном месте и принявший потом под именем Леонида монашество, в 1603 году ушел из монастыря, чтобы потребовать обратно свое наследие. Блестящий полемист «Нового Времени» воспользовался при этом работами французских невропатологов и нашел возможным даже распознать в нравственном складе и телосложении претендента все характерные признаки врожденной эпилепсии: сочетание великодушия и жестокости, грусти и веселости, недоверия и чрезмерной доверчивости, отсутствие истинного чутья к добру и злу, упорство в преследовании фантастических планов; затем неодинаковая длина рук, болезненная нервность и т. д.

Эпилептические припадки, которыми действительно, по-видимому, страдал сын Марии Нагой, служа как бы наследственной чертой, устанавливают, таким образом, связь между претендентом и его предполагаемым отцом и дают повод к остроумным комбинациям. Но, по всей видимости, имена Истомин и Леонид – просто незаконный плод басни и ошибки переписчика, смешавшего вместе помещенный в одной из газет той поры (*Narratio succincta*, сохранилась в Австрии – в Венской библиотеке) рассказ о сыне некоего благородного эстонца со свидетельством синодика Макарьевского монастыря, где среди вписанных членов царствовавшего дома якобы находили и имя монаха Леонида. На самом-то деле запись эта относится к монахине, иноке Леониде; возможное дело, что это была третья жена царевича Иоанна Иоанновича.¹²³

Историческая истина, если ее вообще возможно на этом пути найти, требует менее хрупких оснований. Поскольку дело касается документов, утверждение подлинности Дмитрия зиждется все еще только на упомянутом уже донесении, где Вишневецкий выступил в качестве переводчика слов претендента. Это, конечно, опять-таки довольно слабая точка опоры. В том виде, в каком признание Дмитрия представлено в этом рассказе, оно кишит неправдоподобностями, неточностями и необъяснимыми умалчиваниями. Его спас пестун; предусматривая покушение на жизнь царевича, он укладывал другого ребенка в его кровать, и таким образом раз в полночь убийцы поразили эту жертву. Но следствие 1591 года утверждает, что несчастье произошло среди бела дня. Впрочем, было ли дело ночью или днем, но ведь труп-то должны же были узнать! И как звали этого предусмотрительного воспитателя? И где после этого события нашел он надежное убежище для своего питомца? Дмитрий ничего об этом не говорит.

¹²¹ «Русская Старина», 1877, XVIII, 320.

¹²² «Новое Время», 1894 г., №№ 6537 и след.

¹²³ Щепкин, *Archiv für Slavische Philologie*, 1900, XXII, 367; Чтения в обществе Истории и Древн., 1875, III.

Но, быть может, это не то, что рассказывал претендент, будучи в Брагине? В общем, донесение, отправленное Вишневецким в Краков, сводится к своего рода интервью, а пререкания между интервьюируемым и интервьюирующим – повседневное явление. К тому же мы не обладаем даже подлинником этого документа. Его первый издатель – Новаковский¹²⁴ пользовался латинским переводом, заимствованным из архивов Ватикана, куда доставил его Рангони, нунций в Польше. Но были и другие значительно разнящиеся от него переводы этого рассказа, а потому возникают вопросы: обладал ли сам Рангони подлинником, воспользовался ли он услугами точного переводчика.¹²⁵ Те выражения, которые употребляет Дмитрий, когда говорит о своем отце в тексте Рангони, делают точность этого документа весьма подозрительной.

Но допустим, что перевод этот несомненно точен. В совокупности, как это доказывает переписка, возникающая по поводу Дмитрия между Сигизмундом и польскими сенаторами, Рангони доставил почти что точный перевод. Предположим еще, что каким-то чудом Вишневецкий не менее точно передал слова протежируемого им юноши. Угличское следствие дает возможность угадать, при каких обстоятельствах Дмитрий был спасен, но он не мог сказать всей правды! Он не мог признаться, что поранил себя в припадке падучей болезни! Да впрочем, он, может быть, и не знал правды! Воспоминание о таком припадке и о том, что непосредственно за ним последовало, легко могло изгладиться из памяти у семилетнего ребенка и замениться какой-нибудь более или менее хитроумной басней.

Но обратимся к обсуждению противоположного положения. Оно имеет своим исходным пунктом ряд грамот, обнародованных при появлении претендента правительством Бориса или внушенных им. В том числе находится и знаменитая окружная грамота патриарха Иова, с которой 14 января 1605 года он обратился к духовенству всей земли.¹²⁶ В этой грамоте он устанавливает тожество претендента с Отрепьевым таким образом. Монах, носивший это имя, бежал из Москвы; и многие свидетели, в том числе некий Венедикт и некий Степан, доложили патриарху, что они признали этого монаха на пути из Москвы в Киев, что это именно он объявился затем у князя Вишневецкого в Брагине и выдал себя там за царевича Дмитрия.

Таково официальное изложение дела. Нельзя сказать, чтобы оно было очень убедительно. Указанные свидетели не были в Брагине; они не видали бежавшего монаха с тех пор, как он принял имя Дмитрия; а как же узнали они все то, за достоверность чего они ручаются? Да впрочем, чего и стоят их показания? Ведь это – «бродяги и воры», и патриарх сам сознается в этом. А с другой стороны, кто такой Гришка Отрепьев? Сын боярский, как я уже сказал, член рода Нелидовых, один из представителей которого, Данила Борисович, получил в 1497 году прозвище Отрепьева. Гришка, или Григорий, бурно провел свою молодость. Он составлял часть челяди в доме Михаила Романова, но его прогнали за дурное поведение. Его взял к себе отец, но он несколько раз пытался убежать от отца. И когда ему грозило суровое наказание за какое-то более тяжкое преступление, он решил принять монашество в одном из монастырей Ярославской области – в Железном Борку. Затем ему удалось пристроиться в Чудовом монастыре в Москве; здесь, после двухлетнего пребывания, его стали ценить как искусного переписчика, и сам патриарх Иов, посвятив его в дьяконы, взял его к себе для услуг по письменной работе. Но этот искусный писец оказался распутником, пьяницей и вором и принужден был опять бежать. В 1593 году – этот год указывается в первых грамотах Бориса – он скрылся в Польшу, где у него возникла мысль выдать себя за царевича Дмитрия.

Сличая биографические сведения, которые сообщают официальные документы и разные повествования летописцев, находившихся под их влиянием, мы найдем некоторое различие в

¹²⁴ (ródła do dziejów Polski, Берлин, 1841, II, 65.

¹²⁵ Летопись занятий археографической комиссии, X, 39; Hirschberg, статья в «Kwartalniku Historycznym», 1899, XIII, 287; Peregrinus. В поисках Дмитрия Самозванца, «Новое Время», 14 (26) апр. 1899 г. Ср. Canaye, Lettres et ambassades, II, 483 и La Blaque, Nation. Библ., франц. отдел, 4, 117; 15, 929; 15, 967.

¹²⁶ Акты археографической комиссии, II, 28.

подробностях; в совокупности своей, однако, те черты, на которые я указал, воспроизведены почти одинаково во всех памятниках, и они внушают представление о человеке, личность которого в Москве не могла быть предметом какого-либо сомнения. Гришка был знакомым человеком и как слуга Романовых и как слуга патриарха; он пользовался даже некоторой известностью, правда, не совсем достославной, но довольно широкой. Мало того, в 1593 году его первая молодость уже прошла. Если даже отвергнуть эту впоследствии исправленную дату, представляется все еще трудным установить хронологию на основании вышеизложенного жизнеописания, а еще того менее возможно согласовать его с числовыми данными биографии претендента. После 1601 года Гришка не мог служить у Михаила Романова, потому что в это время племянник царицы Анастасии разделял опалу со своей семьей. Будущий монах, должно быть, проживал в этом доме даже гораздо ранее: ведь, прежде чем бежать в Польшу, ему надо было найти время проделать все известное нам из его биографии, а это бегство можно отнести отнюдь не позже как к 1602 году – такова последняя официально установленная дата. Несколькими годами, пусть даже несколькими месяцами ранее этого последнего года он был посвящен в сан дьякона, следовательно, ему было не менее двадцати пяти лет. Ссылаются на то, что церковные уставы, требующие этого предельного возраста, не всегда соблюдались во всей строгости. Допустим это; но несколько лет монашеской жизни, – а перед тем он успел еще натворить немало проказ, – несомненно установлены биографией этого бездельника ко времени его выступления на сцену, которая, по предположению, была в пределах Польши; эти данные не позволяют думать, что он был тогда еще совсем юноша. А претендент – и это ни для кого не представляло никогда никакого сомнения – при своем появлении в Польше едва только вышел из юношеского возраста.¹²⁷

К этой несовместимости по возрасту прибавим еще несходства физические и моральные. В двадцать пять или тридцать лет Гришка был заведомо неотесанный, грубый человек, каким его воспитала среда монастырей и разных трущоб. А вот описание наружности претендента, как ее рисует нам в 1604 году Рангони: «Хорошо сложенный молодой человек, со смуглым цветом лица, с большой бородавкой на носу в уровень с правым глазом; его белые длинные кисти рук обнаруживают благородство его происхождения. Говорит он очень смело; его походка и манеры, действительно, носят какой-то величественный характер». И немного спустя, после своей второй встречи, Рангони писал: «Дмитрию на вид около двадцати четырех лет, он без бороды, одарен живым умом, весьма красноречив, безупречно соблюдает внешние приличия, склонен к изучению словесных наук, чрезвычайно скромнен и сдержан».¹²⁸ Буссов, настроенный к претенденту враждебно, подтверждает эту отличительную черту, когда говорит о руках и ногах «Лжедмитрия», что они обнаруживают его аристократическое происхождение.¹²⁹

Хотя Нелидовы и вели свой род от бояр, но, обедневши и зарывшись в деревне, они в то время не принадлежали уже ни к какой аристократии. А ведь прежде, чем внушить Рангони такой лестный отзыв о себе, претендент показал уже, как непринужденно может он ухаживать за надменной дочерью воеводы и без всякого смущения предстать перед изящным и церемонным двором могущественного монарха. Вскоре ему предстояло также доказать свое умение владеть саблей и укрощать самых горячих лошадей. Наконец, он свободно говорил польски и знал немного латынь. Он был ловкий наездник, воин широкого размаха и почти по-европейски образованный человек. Разве Гришка обладал всеми этими преимуществами, отправляясь в Польшу? Ведь, единственной школой для него в Московии было пребывание в течение нескольких лет в Чудовом монастыре да очень непродолжительная служба у патриарха

¹²⁷ См. Акты, относящиеся к истории Западной России, IV, – заявление по этому поводу польских посланников в 1606 г. в Москве. Ср. Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III, т. II, стр. 295.

¹²⁸ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 68.

¹²⁹ Rerum ross. script, ext., I, 89.

и гостеприимный приют в украинских монастырях. Когда сам Дмитрий отправил к тому же краковскому двору в качестве своего представителя наиболее известного и опытного из своих дипломатов, каким неотесанным мужиком показался там даже такой человек, как Афанасий Власьев!

По всей видимости, плохо осведомленное о личности претендента правительство Бориса, относя сначала бегство в Польшу Гришки к 1593 году, не знало, что имеет дело с двадцатичетырехлетним молодым человеком. И вот поэтому, хотя оно долго упорствовало и, наперекор всякой правдоподобности, поддерживало неудачно придуманное повествование, отправляемые им в Польшу агенты были постепенно вынуждены более или менее открыто покинуть это недоказуемое положение. В 1604 году родной дядя Гришки, Смирнов-Отрепьев, был отправлен в Краков с официальным поручением уладить какое-то столкновение на границе, но с тайной миссией уличить своего племянника. Он добивался очной ставки; но, получив некоторые сведения, он, казалось, отнюдь не был уверен в ее результате. Говорят, будто бы он действительно утверждал, что, если бы ему доказали истинность мнимого царевича, он поспешил бы изъявить покорность сыну Ивана IV.¹³⁰

Очная ставка не состоялась, потому что Дмитрий был уже далеко; после столь торжественного пребывания в Кракове он готовился к победоносному походу на Москву. Конечно, ему и не следовало возвращаться обратно, чтобы подвергнуть себя испытанию, которое легко могло оказаться только ловушкой: ведь ничто не обеспечивало искренности Смирного. В самом деле, поведение этого посланника казалось настолько двусмысленным, что в некоторых кругах его считали... агентом претендента!

В январе 1605 года Борис сделал новую попытку: он отправил с Постником-Огаревым письмо к польскому королю, которое все еще утверждало тожество претендента с Отрепьевым;¹³¹ конечно, оно было доставлено Сигизмунду; но перед Сенатом Огарев, кажется, заговорил другим языком. Мы знаем его речи только из сбивчивых и неясных донесений.¹³² Однако в них легко распознать умышленную двусмысленность; посланник, смущенный очевидностью иных данных, а также, может быть, повинувшись новым инструкциям, искал выхода из своего затруднительного положения, повернув в другую сторону. Он заговорил о простом крестьянине, сыне или слуг архимандритова писца, или еще о сыне какого-то сапожника, попавшего в писцы, который, прежде чем самовольно принять имя царевича Дмитрия, назывался Demetrius Rheogovitch; очевидно, что эти новые указания не имеют ничего общего с Гришкой Отрепьевым, даже и в том случае, если, как это полагали, Реорович значит Григорович, и если возможно в одном из вышеупомянутых донесений объяснить выражение «сын сапожника» смешением двух слов – cancelarius и calceolarius. К тому же, среди всех этих сбивчивых объяснений, Постник-Огарев вставил и такое замечание, что, если бы претендент и действительно был сыном Ивана IV, его незаконное рождение все равно лишало бы его права вступить на престол. А это возражение, одновременно повторенное в посланиях Бориса к императору Рудольфу,¹³³ имело значение почти что признания.

После смерти Бориса московское правительство принуждено было пойти в этом направлении еще далее. Покрестная запись сыну венчанного выскочки не упоминает уже о Гришке Отрепьеве.¹³⁴ Она просто обозначает претендента «тем, кто называет себя Дмитрием Ивано-

¹³⁰ Pierling. La Russie et le Saint-Siège, III, 94. Ср. того же автора Rome et Démétrius, стр. 49.

¹³¹ Оболенский, Сборник, 1838, № 7.

¹³² Письмо Рангони в Архивах Ватикана; различные письма в Архивах Копенгагена. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III, 110; его же, Rome et Démétrius, стр. 194; Щепкин, Archiv für sl. Ph., XX, 264; Болдаков, Сборник матер., стр. 29 и след.

¹³³ Болдаков. Сборник мат., стр. 61.

¹³⁴ Собрание государственных грамот и договоров, II, 196.

вичем», и, по свидетельству самого претендента,¹³⁵ это двусмысленное изложение дела и побудило московское войско признать его сыном Грозного.

Наконец, Огареву в Польшу были посланы новые указы, в которых предписывалось говорить не то, что прежде; мы найдем подтверждение этого в одном из тогдашних следствий по уголовному делу, в которое замешан был и архимандрит Чудова монастыря, обвиняемый, надо думать, в том, что он помог слуге одного из своих переписчиков бежать в Польшу и выдать себя там за царевича Дмитрия. В неясных выражениях и Огарев, кажется, упомянул об этом происшествии. А ведь архимандрит этот носил имя Пафнутия, и, по другим повествованиям, он-то именно и постриг будущего претендента в монахи.¹³⁶

¹³⁵ Карамзин, XI, прим. 316.

¹³⁶ Голубовский, «Исторический Вестник», 1902, V, 512 и след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.